

Владимир Васильевич Мавродин

Народные восстания в Древней Руси XI-XIII вв.

Введение

"История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов. Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов" (К. Маркс и Ф. Энгельс, Манифест Коммунистической партии, М., 1956, стр. 32), - так писали в "Коммунистическом Манифесте" основоположники великого учения К. Маркс и Ф. Энгельс.

Классовая борьба трудящихся масс сопровождает и возникновение феодального общества в древней Руси, установление феодальных форм эксплуатации, на начальных Этапах развития феодализма мало, чем отличавшихся от рабства. Классовая борьба проходит красной нитью через всю историю Руси периода феодальной раздробленности. Она отражает стихийное недовольство крестьянства растущим феодальным гнетом, развивающимися и распространяющимися вширь феодальными формами зависимости.

Классовая борьба крестьян побуждает феодалов стремиться к созданию мощной самодержавной власти, способной обеспечить им "право" на собственность и труд крестьянина, на него самого. Классовая борьба принимает грозный для господствующего класса характер в период централизованного Русского государства, и особенно в XVII в., когда высшим проявлением ее становятся крестьянские войны, возглавляемые И. Болотниковым и С. Разиным.

XVIII век ознаменовался новым обострением классовых противоречий, новым размахом крестьянского движения, вылившегося в самую грандиозную и последнюю в истории феодальной России крестьянскую войну - восстание Емельяна Пугачева. Создавшаяся в России в 1859-1861 гг. революционная ситуация, обусловленная гигантским размахом крестьянского движения, принудила царское правительство к проведению крестьянской реформы. В 1861 г. напуганный крестьянскими восстаниями господствующий класс дворянства, для того чтобы русское крестьянство не начало освобождаться "снизу", предпочел провести отмену крепостного права "сверху".

Но на смену старым, крепостническим формам эксплуатации в пореформенное время пришли полуфеодальные - полубуржуазные и капиталистические формы эксплуатации бесчисленного крестьянства Российской империи.

В. И. Ленин придавал огромное значение классовой борьбе крестьянства. Он подчеркивал, что у русских крестьян "века крепостного гнета и десятилетия форсированного пореформенного разорения накопили горы ненависти, злобы и отчаянной решимости" (В. И. Ленин, Соч., т. 15, стр. 183). Но В. И. Ленин указывал также, что в эпоху крепостничества боровшееся против угнетателей крестьянство было не способно "ни на что, кроме раздробленных, единичных восстаний, скорее даже "бунтов", не освещенных никаким политическим сознанием..." (В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 96). В те далекие времена крестьянство боролось со всей угнетавшей его крепостнической системой в одиночку, противопоставляя организованным силам феодального государства - его армии, церкви, закону, фактически лишь свою беспредельную ненависть. "Крестьяне, - писал В. И. Ленин, - не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих..." (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 7,

стр. 194).

Только городские рабочие, только промышленный пролетариат, монолитный, сплоченный, организованный, руководимый своей революционной рабочей партией, мог, возглавив всенародную борьбу, привести крестьян к освобождению. Величайшая в истории человечества Октябрьская социалистическая революция победила потому, что гегемоном, руководителем в ней был самый революционный в мире пролетариат России. Совершив победоносную революцию, рабочий класс вывел многострадальное трудящееся крестьянство России на путь свободы и счастья.

Выступая на XXI съезде КПСС, Н. С. Хрущев говорил: "Наше молодое поколение не прошло той большой школы жизни и борьбы, которая выпала на долю старшего поколения. Молодые люди не знают ужасов и бедствий дореволюционного времени и лишь по книгам могут иметь представление об эксплуатации трудящихся. Весьма важно поэтому, чтобы наше молодое поколение знало историю страны, борьбы трудящихся за свое освобождение..." (Н. С. Хрущев, О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959-1965 годы. Доклад и заключительное слово на внеочередном XXI съезде Коммунистической партии Советского Союза 27 января и 5 февраля 1959 г., М., 1959, стр. 63).

В этой книжке мы расскажем о первых проявлениях классовых противоречий на Руси, о восстаниях крестьян - смердов, как называет их древнейший русский свод законов - "Русская Правда", о том, как боролся простой сельский и городской люд против угнетателей на Заре истории русского народа и государства.

Классовая борьба в те времена принимала различные формы. Она проявлялась в бегстве, когда крестьяне буквально уходили от феодализма на те места, куда он не успел еще проникнуть. Приобретает она форму разрозненных, стихийных, местных восстаний. Выражается классовая борьба и в попытках сельского жителя восстановить общинную собственность. Сельский общинник считал своим все то, что возделано его руками, полито его потом, что освоено им, его отцом и дедом, все то, что, как позднее говорили крестьяне на Руси, "исстарь потягло" к его двору, к его общине, все, "куда топор, соха, коса ходили", но что теперь превратилось в собственность князя, его "мужей", дружинников.

Смерд шел в лес собирать мед на те же бортные урожаи, где исстари собирал мед он, его отец и дед, несмотря на то, что бортное дерево, на котором ему был известен каждый сучок, уже было отмечено свежесрубленным на коре знаком княжеской собственности. Смерд запахивал своей "сошкой кленовой" тот участок земли, который он сам "выдрал" из-под леса, спалив лесные исполины и выкорчевав пни, несмотря на то что межа, проложенная каким-нибудь сельским тиуном-княжеским или боярским слугой уже приобщила это политое его потом поле к обширным владениям князя или боярина. Он выгонял свою скотину на поле, где пас ее с юных лет, но поле это было уже княжим, боярским.

Эти попытки сельского люда восстановить свое древнее общинное право владеть землями и угодьями по затраченному труду господствующая феодальная верхушка считала преступлением, нарушением ее "законных" прав. "Русская Правда" впоследствии учтет эти преступления и установит наказания за них; но это было преступлением только с точки зрения господствующей знати.

Для сельских "людей" Руси, являвшихся в IX-X и начале XI в. чаще всего еще только данниками князя и общинниками, совладельцами своих земель и угодий, это была справедливая борьба за восстановление их попранных прав, за возвращение того, что исстари принадлежало им, так как было освоено их трудом и давало средства к жизни. К новым порядкам привыкнуть смерду было нелегко; он защищал старую общинную собственность, считая ее справедливой, и, наоборот, боролся против частной феодальной собственности, будучи уверен в ее незаконности. "Русская Правда" так много внимания уделяет преступлениям против частной феодальной собственности именно потому, что в тот период борьба с ней простого сельского и городского люда представляла собой нечто

обыденное и повседневное. Пройдет много времени, прежде чем русский крестьянин, обобранный и забитый, приучится строго разграничивать свое и барское, позабыв о тех временах, когда его пращурам принадлежало все.

Пращуры же - современники князей Игоря и Владимира, Ярослава и Ярославичей - не могли признать такого разграничения. Они еще хорошо помнили те времена, когда не только их отцам и дедам, а им самим принадлежали земли и угодья, и, как могли, боролись за право владеть ими.

Таковы были характер и формы классовой борьбы крестьян против угнетателей в древней Руси.

Глава первая. Складывание феодальных отношений на Руси

В IX-XI вв. в древней Руси складывались феодальные отношения. Возникла феодальная земельная собственность, и на этой основе установилась феодальная зависимость сельского населения, сложился господствующий класс феодалов: князей, бояр, "лучших мужей", "старой чади", и класс эксплуатируемых: "простой чади", "людьа" сел и городов. Образовался феодальный общественный строй.

Но все это сложилось не вдруг и не так скоро. Письменные источники сохранили очень мало сведений о феодальном землевладении. И это вполне естественно: земельная собственность знати была слишком обыденной вещью, и летописцы ею, попросту говоря, не интересовались.

От IX в. вообще никаких свидетельств о феодальном землевладении до нас не дошло. Что касается X в., то от этого времени уже остались сообщения о "градах", принадлежавших князьям: о Вышгороде ("град" Ольги), Белгороде ("град" Владимира), Изяславле ("град" Рогнеды) и других. В этих княжих городах, несомненно бывших центрами хозяйства князя, занимались не только ремеслом. Они были окружены селами - княжескими сельскими поселениями, находившимися под управлением и наблюдением сельских и ратайных старост, ведавших запашкой, всякого рода слуг и челяди. Летописец случайно упомянул о некоторых из этих сел, и поэтому они стали известны нам по названиям. Это - село Ольжичи, принадлежавшее княгине Ольге, село князя Владимира Берестово. Источники называют еще село Будутино, принадлежавшее Малуше, матери Владимира, село Ракома под Новгородом, куда ездил Ярослав в свой "двор" в 1015 г. Вокруг сел лежали "нивы", "ловища", "перевесища" (Ловища - места промысла зверей; перевесища - ловчие сети, одновременно и места лова), "места", обнесенные "знаменьями" с княжеской тамгой. Князья либо присваивали свободные земли и угодья, либо захватывали земли у общин, превращая сельский люд в челядь, в рабочую силу своего хозяйства. В княжеских селлах стояли "хоромы", где жил сам князь. Тут же помещались княжеские тиуны, старосты, разного рода слуги, часто занимавшие высокие посты в дворцовой иерархии, работали холопы, рядовичи, смерды. Двор заполняли всякие хозяйственные постройки: клети, овины, гумна, хлебные ямы, хлевы. Тут же располагались скотный двор и птичник. На лугах паслись стада скота и табуны лошадей с княжеским "пятном" - клеймом, - находившиеся под наблюдением конюхов и сельских тиунов или старост. На эти же выпасы гоняли свой скот княжеские смерды, холопы и прочая челядь, работавшие на князя.

Вначале княжеская вотчина была невелика и носила полупромысловый, полужемледельческий характер. Постепенно этот ее характер меняется. Вотчина вырастает, все большую и большую роль в ней начинают играть "нивы" и "рольи" (пашни), в то время как значение "ловищ" и "перевесищ" падает.

В княжих городах - Вышгороде, Белгороде, Изяславле и других, являвшихся центрами не только военно-административного, но и хозяйственного управления, сосредоточивались разного рода "княжие мужи" и челядь: данщики, вирники, ябетники, мечники, мостники, городники, тиуны, рядовичи, ремесленники, холопы и т. д. Одни из них были управителями,

другие - слугами, третьи выступали в качестве рабочей силы в княжеском хозяйстве. В военное время из этих управителей и слуг формировалась княжеская "молодая" дружина. Такой княжой город был заселен княжескими ремесленниками: оружейниками, ювелирами, "каменосечцами", гончарами и т. д., ставившими на своих изделиях родовой знак своего князя. Искусные ремесленники ценились князем. Княжеские родовые клейма на изделиях ремесленников-холопов обнаружены как раз там, где княжеское хозяйство в IX-XI вв. было больше всего развито (Киев, Чернигов, Белгород, Вышгород, Изяславль, Остерский Городен, Канев, летописная Родня, современное городище Княжая гора).

В этих городах находится княжеский "красный двор", где иногда живет подолгу сам князь, но чаще всего - посадник; здесь князья заводят свое хозяйство, содержат склады всякого "добра": кож и мехов, металлических изделий, меда и воска, хлеба, вина и всяких других пищевых продуктов.

Торг у древних славян. С картины С. Иванова

Сюда, в город, стекались дань и военная добыча, поборы и штрафы, товары и рабы, здесь была "вся жизнь" князей. Вокруг него возникали княжие села и слободы, и деревни сельских общинников постепенно втягивались в княжеское хозяйство. Всюду появлялась княжеская администрация, ставившая затесы на дубах и соснах, прокладывавшая межи, устанавливавшая всякого рода "знамения", строго преследовавшая за "перетес", каравшая всякого, кто "межу переорет" (т. е. перепашет), пускавшая на некогда общинные выгоны стада скота с княжим "пятном". Тут и там появлялись княжеские охотничьи угодья, пашни, тут и там трудились княжеские холопы и смерды, ремесленники и рядовичи, хозяйничали огнищане и конюхи, тиуны и посельские. И специальные "княжие мужи" - городники "нарубали" все новые и новые города, становившиеся феодальными и военно-административными центрами.

Вслед за княжеским развивалось и боярское землевладение. Пути складывания боярства различны. В боярство превращается местная племенная знать - "старцы градские", "нарочитая" или "старая чадь", "лучшие люди". Боярами становятся и оседающие на земле княжеские дружинники. Первое время, на заре русской государственности, в эпоху войн и походов дружинники не получали от князя за свою службу земли. Их доходы состояли главным образом из военной добычи и из той дани, которую собирал князь во время полудья (объезда земель для сбора дани) и которой он делился со своей дружиной. В то время земля сама по себе для дружинника большой ценности не представляла.

Но постепенно все меняется. Уже со времен княгини Ольги (X в.) сбор дани начинает носить правильный и систематический характер. Устанавливаются характер и нормы дани - "уроки", создаются административно-финансовые единицы - "погосты", "места", местные организационные центры, где сосредоточивается княжеская администрация. Освободиться от обложения данью становится все труднее и труднее. Всюду рыщут "княжие мужи"-тиуны, "как огонь", рядовичи, "как искры"; число их все увеличивается, а функции умножаются.

Похороны знатного руса. С картины Семирадского

Содержание их падает на плечи населения. Различные поборы - "виры", "продажи", пошлыны всей своей тяжестью ложатся на плечи простого люда. Дань, собиравшаяся князем со свободных общинников, по мере захвата их земель превращается в феодальную ренту - в оброк, уплачиваемый князю уже феодально зависимым сельским людом. Начинается "окняжение" земли, т. е. развитие феодального княжеского хозяйства, а вместе с тем и

"устроение" земли Русской с целью установления регулярных поборов с населения. В этом князьям помогают их соратники по былым войнам и походам - дружинники. Они становятся правой рукой князя. Из их среды выходит и княжеская администрация (посадники, даньщики, вирники, мечники и др.) и вотчинные слуги - огнищане, тиуны, старосты. Всех их "кормит" сельский люд, данники князя; в их пользу поступают некоторые поборы, с ними делится своими доходами князь, многие из них живут с князем под одной крышей и сидят на княжеских пирах за одним столом с ним. Но постепенно все большее и большее значение приобретают земля и доходы с нее, полученные в результате эксплуатации сельского зависимого люда. Теперь не дани с земли, а сама земля с сидящим на ней людом начинает представлять ценность в глазах дружинника. И вчерашний воин, мечтавший о военной добыче и грабеже, о ложках, выкованных из серебра, добытого князем в результате успешной войны, превращается в землевладельца (Археологи прослеживают появление феодальных вотчин уже в IX-X вв. Они обнаруживают их по раскопкам феодальных замков-городищ, господствующих над округой, покрытой селищами, остатками неукрепленных маленьких поселков сельского люда (Вышгород, Княжая Гора, Овручское, Плиснеськое, Райковенкое и некоторые другие городища, некоторые древлянские "грады"). Нахождение групп больших, богатых курганов вблизи городов также свидетельствует о наличии среди дружинников землевладельцев, имевших свои вотчины и, естественно, хоронивших покойников в курганах близ своих сел. Группы больших курганов близ Чернигова связаны с земельными владениями, частично носившими имена их владельцев (например, Семинь, Гюричев)).

Земля общинника становится собственностью боярина-дружинника, а сами общинники превращаются в боярскую челядь. В состав княжеской дружины, в среду "княжих мужей" и бояр входит, особенно со времени Владимира, и местная знать "земское" боярство: "старцы градские", "нарочитая" и "старая чадь" и прочие "лучшие люди" Земли. Так появился многочисленный и могущественный класс боярства, класс феодалов, вся эта масса "великих" и "меньших" бояр, "буйных и гордых", "славы хотящих", "имения ненасыщающихся". Идет "обояривание" земель. В конце X - начале XI в. появляется новый крупный и могущественный феодал - церковь.

Со второй половины XI в. летописи все чаще и чаще стали сообщать о крупном феодальном землевладении. Составитель летописного "Начального свода" (1093 - 1095), игумен Киево-Печерского монастыря Иван, подчеркивает усиление поборов, рост "вир" и "продаж", жадность и алчность князей и их дружинников. Села становятся "жизнью" бояр.

Из "Жития" Феодосия Печерского узнаем, что Феодосий, живший в Курске, ходил в села своих родителей, где работал наравне с рабами. В этом "Житии" речь идет не только о вотчинах родителей Феодосия. Подобных землевладельцев-феодалов в Курске XI - начале XII в. было немало. Среди них были и такие крупные феодалы, как "властитель града" Курска, к которому попал на службу Феодосий, и многочисленные более мелкие феодалы, такие, как дружинники курского князя, знаменитого Буй-Тур-Всеволода, воспетые в "Слове о полку Игореве". Князь Изяслав Ярославич, несомненно, имел большие вотчины, в том числе и под Дорогобужем, о чем свидетельствует "Русская Правда" ("Правда Русская", т. I, М. - Х, 1940, стр. 71). Сын его, Ярополк Изяславич, дал "десятину... от всех скот своих святой богородице, и от жита" ("Летопись по Ипатскому списку", СПб., 1871 (в дальнейшем - "Летопись по Ипатьевскому списку"), стр. 145). В 1106 г., после окончания войны, Мстислав Владимирович "распустил дружину по селам" ("Повесть временных лет", ч. 1, М. - Л., 1950, стр. 169). В "Житии" княгини Ефросиньи Полоцкой встречается упоминание о том, что ей принадлежало село под Полоцком. Это было в 20-х годах XII в.

Крупные города днепровского левобережья в XI-XII вв. были окружены селами, принадлежащими князьям, боярам, монастырям, дружинникам. Вокруг Чернигова были расположены: Гостничи (или Стояничи, недалеко от Елецкого монастыря), Семинь, "сельцо святого Спаса", Гюричев, Олегово Поле. Сейчас они представляют собой сплошную массу остатков селищ, датируемых по находкам вещей X-XII веками. Вокруг Переяславля лежали

села Кудиново, Енчино (или Янчино), Стряково и Мажево сельцо. Тут же находились загородный княжеский Красный двор и зверинец. Дошли до наших дней в виде остатков селищ расположенные в те времена у Новгород-Северска села Мелтеково и Игореве сельцо. Но селищ, датированных X-XII вв., под Новгород-Северским так много, что, несомненно, оба названные выше села были далеко не одиноки. В Игореве сельце находился княжеский двор. Под Любечем стояли многочисленные богатые села князей. По мере развития феодальной земельной собственности росло богатство князей, состоявшее из сел, угодий, всякой "готовизны" и зависимых людей. В середине XII столетия на Левобережье Днепра крупные княжеские вотчины стали обычным явлением. В 1146 г. в Путивле, в селах Святослава Ольговича, его противники захватили 800 корчаг вина, 500 берковцев меда и 700 человек челяди. Здесь же хранились запасы железа и меди. В одном селе Игоря Ольговича в это время противники сожгли 900 стогов хлеба, стоявших на гумне. В селе Мелтекове пасся табун княжеских лошадей в 4000 голов. Для того чтобы накопить такое богатство, нужны были десятки лет. "Жита и дворы" северских князей были разбросаны и в других местах ("Летопись по Ипатьевскому списку", стр. 233, 234, 236, 237). Богатство северских князей поразило послов германского императора. Это богатство было накоплено князьями путем эксплуатации зависимого люда, обложения его данью, захвата земель и угодий общинников, путем торговли и ростовщичества.

Растет в XII в. и боярское землевладение. Об этом говорят и "Русская Правда" и летописи. Правда, сведения о боярском землевладении скудны, но это объясняется спецификой дошедших до нас источников; летописи, как уже говорилось, мало интересовались феодальной собственностью на землю, а такие источники, как "Русская Правда" Ярославичей, были посвящены в первую очередь охране княжеской собственности и жизни княжих мужей.

И, тем не менее, мы узнаем, что, например, в 1146 г., во время восстания, киевляне разгромили сельские дворы дружинников князей Игоря и Всеволода и захватили много скота и "имения".

Князь Изяслав говорил своим дружинникам, что, уйдя с ним, они лишились "своих сел и своих жизней" ("Летопись по Ипатьевскому списку", стр. 287). Эти слова, приведенные летописцем, свидетельствуют о том, что феодальная земельная собственность дружинников - явление совершенно обычное. "Пространная Русская Правда", относящаяся к XII в., берет под свою защиту и княжескую, и боярскую вотчины. Так, например, устанавливая размер виры (штрафа) за убийство "княжих мужей" - конюхов, конюших, поваров, огнищных, сельских и ратайных тиунов и рядовичей, - "Пространная Русская Правда" добавляет: "Такое же и за бояреск". Это значит, что наряду с княжескими слугами существовали подобные же категории слуг и у бояр, что в свою очередь указывает на широкое распространение боярского землевладения ("Правда Русская", т. I, стр. 105). То же "Пространная Правда" говорит о боярских холопах, о наследовании собственности бояр и дружинников, которая в отличие от собственности смердов может передаваться не только сыновьям, но и дочерям и на которую князь не имеет права претендовать. В XII в. распространяется и условное феодальное землевладение. Это - "милостники" "Пространной Русской Правды" и "дворяне" летописей, далекие предки помещиков ("Правда Русская", т. I, стр. 144).

Наконец, следует отметить также быстрый рост крупного монастырского землевладения. Грамота Мстислава Владимировича и сына его Всеволода Мстиславича, выданная между 1125 и 1132 гг., закрепила за новгородским Юрьевым монастырем село "Буйце... с данью и с вирами, и с продажами". Тот же Всеволод Мстиславич снова (между 1125 и 1137 гг.) одаривает Юрьев монастырь. Одной грамотой он жалует ему земли по Волхову и "по ручью в Мячино", а другой - Терпужский погост Ляховичи, земли, лес, борти, ловища на Ловати, людей и коней. Таким же щедрым по отношению к церкви был и Изяслав Мстиславич, пожаловавший (между 1146 и 1155 гг.) новгородскому Пантелеймонову монастырю "землю село Витославиць и смерд и поля Ушьково..." ("Памятники права феодально-раздробленной Руси XII- XV вв." Составитель А. А. Зимин. М., 1953, стр. 102-104

("Памятники русского права", вып. 2)).

В 1150 г. князь Смоленский Ростислав Мстиславич пожаловал Смоленской епископи села Дросенское и Ясенское с землями, сенокосными угодьями, озерами, вместе с населявшим эти села людом.

Пять сел с челядью подарила Киево-Печерскому монастырю дочь князя Ярополка, следуя примеру отца, пожаловавшего в 1158 г. тому же монастырю волости Небольскую, Деревскую и Лучскую.

Земли жалуются, продаются, покупаются, передаются по наследству. Данная грамота Антония Римлянина Антониеву монастырю говорит о том, как он купил "у Смехна да у Прохна у Ивановых детей у посадничих землю у Волхова", заплатив за нее большие деньги.

Феодальное землевладение: княжое, монастырское, боярско-дружинное, "старшей" и "молодшей" дружины, "старой", "нарочитой" чади и т. п. - широко распространяется по всей территории земли русской. Оно вытесняет и подчиняет себе общинное землевладение. Князья, бояре-дружинники, монастыри захватывают земли и угодья общинников, подчиняют последних себе и закабаляют их, превращая в зависимый, феодально эксплуатируемый люд, в рабочую силу своих вотчин.

Чем больше росла и укреплялась феодальная земельная собственность, чем больше развивалось вотчинное хозяйство князей и бояр, тем большее значение приобретали слуги-управители, выходившие из рядов "молодшей" дружины князя. Члены "передней", старшей дружины теперь сами занялись вотчинными и хозяйственными делами, окружив себя ключниками и старостами, помогавшими им эксплуатировать сельский люд. Они уже меньше интересуются княжескими делами, да и князь теперь меньше нуждается в старших дружинниках.

Зато укрепляется "молодшая" дружина. Из ее среды и выходят "княжие мужи", творившие суд и расправу, собиравшие судебные штрафы, таможенные сборы, следившие за выполнением населением повинностей (повоз, мостовщина, городовое дело), управлявшие городами и волостями. В рядах "молодшей" дружины мы находим и управителей огромного княжеского хозяйства. Князь постоянно окружен ими, он советуется с ними, делится с ними частью своих доходов (даней, вир, военной добычи). Выполняя определенные поручения князя, эти "княжие мужи" кормятся за счет населения. Так, например, по "Русской Правде" вирник получал от населения деньги, солод, мясо, рыбу, хлеб, сыр, пшено, кур, овес и т. д. По-видимому, некоторые члены "молодшей" дружины получали за службу и земли.

Огнищане и тиуны, ведавшие княжеской вотчиной, приобретают все большее и большее значение в политической жизни княжества и становятся правой рукой князя по управлению его вотчиной.

Крупное феодальное землевладение - боярские и монастырские вотчины, - вырвавшееся в разных местах древней Руси, естественно, концентрировалось вокруг больших городов, становившихся центрами областей.

Вместе с развитием феодальных отношений развивалось и укреплялось феодальное законодательство на Руси. В руках князя и его "мужей" - посадников, тысяцких и тиунов - суд становится органом подчинения им зависимого люда. Суд не только должен был карать уголовных и политических преступников, выступавших против власти и богатств феодальной знати и князя, но и служить источником обогащения княжеской казны. Прошли уже те времена, когда суд находился в руках одной общины, когда главную роль играли не столько судья, сколько тяжущиеся стороны, когда нередко пострадавший со своими близкими сам брал на себя преследование виновного. Теперь суд, творимый на княжеском дворе самим князем, а в других местах - "княжими мужами", сопровождался вызовом "послухов" и "видоков" (свидетелей). Растет число княжеских мужей, ведающих судом: вирников, мечников, емцев. Вместе с развитием "Русской Правды" растет число статей, посвященных праву и суду, усложняется само законодательство, умножаются и уточняются различные судебные сборы. Отмирает древний обычай кровной мести: месть заменяется денежными штрафами. Позднее, при особенно тяжелых преступлениях, виновный стал

подвергаться более суровым наказаниям; преступника отдавали "на поток и разграбление", т. е. конфисковали все его имущество, а его самого с детьми изгоняли, превращали в раба или ставили вне закона. Сами судебные штрафы меняют свой характер. Часть штрафа идет потерпевшему ("головничество"), часть - князю ("вира"). Смертной казни "Русская Правда" не знала, хотя фактически князья и их "мужи" нередко прибегали к ней.

Большую роль в развитии феодальных отношений на Руси и укреплении феодальной государственности сыграла христианская церковь. Введение христианства было вызвано развитием феодализма на Руси, и поэтому оно должно было способствовать укреплению феодального базиса, помочь ему ликвидировать пережитки первобытнообщинного строя.

Церковь боролась с пережитками родового строя: многоженством, кровной мстью, обычаем умыкания невесты и т. п. Церковь не только способствовала укреплению феодальных отношений - она сама становилась крупным феодалом. Церковь приобретала земли, на которых сидели и трудились на ее пользу всевозможного рода "церковные люди". В пользу церкви шла десятая часть всех княжеских доходов, доходов от суда и торгова.

Христианская церковь освящала феодальные порядки. Она утверждала деление общества на "господ" и "рабов" и требовала подчинения последних первым. "Рабы да повинуются господину своему", - проповедовалось в церкви.

Церковь требовала смирения, обещая за кротость блаженство рая, а за неповиновение угрожая муками ада. Проповедью, что у бедного отнимется, а богатому придается, церковь подчеркивала извечное деление на богатых и бедных. Эта проповедь, звучавшая с амвонов православных храмов, поражавших своим великолепием умы русской "простой чади", достигала определенных результатов. Она поднимала престиж "господ", способствовала утверждению господства богатых над бедными.

Церковь укрепляла власть князя, освящая ее авторитетом религии. "Всякая душа властям предержащим пусть повинуется, - ибо нет власти, аще не от бога", - заявляла церковь. Князь - помазанник божий, наместник бога на Земле. Его власть имеет божественный характер, его дела благословляются самим богом. "Ты поставлен еси от бога на казнь злым, а добрым на милование", - говорят епископы Владимиру.

Светская и духовная власти переплетаются. Митрополит Иларион заявляет о князе Владимире: "Понеже бо благоверие его с властью сопряжено".

Естественно, что христианская религия на Руси распространяется прежде всего среди верхушки древнерусского общества. Ее колыбелью были княжеский двор и терем, княжеские хоромы и гридницы. И первыми христианами были не простые сельские и городские люди, а прежде всего "княжие мужи" всех рангов и "старейшины градские", "нарочитая чадь". Христианская мораль сливается с моралью дружины, господствующего класса феодалов.

Каково же было положение народных масс?

Основную массу населения древней Руси составлял сельский люд. Древняя Русь знала рабов. Труд рабов-холопов широко использовался в хозяйстве князей, бояр, дружинников и прочих "лучших мужей".

В древнейших, дошедших до нас источниках, в договорах князей Олега и Игоря с Византией, заключающих в себе отрывки еще более древнего "Закона Русского", в "Русской Правде" Ярослава говорится о холопах (рабах) и челяди.

Челядь - древнейший термин, обозначающий всякого рода зависимый люд. "Челядь" - прежде всего рабы, приобретаемые главным образом в результате захвата в плен ("полон"), в процессе войн. Но понятие "челядь" несколько шире, чем собственно раб - "холоп" или "роба". Эти последние выступают в более поздних источниках под названием "челядин полный". Итак, всякий холоп - челядин, но не всякий челядин - холоп. Челядью являются и слуги, работающие в хозяйстве господина и ведающие его хозяйством, и всякого рода зависимый и эксплуатируемый люд. Но не челядь составляла основную массу сельского населения. В глубокой древности для обозначения его существовал один термин - "люди". Термин "люди" в обозначение сельского населения, несомненно, уходит в первобытную древность и среди славян был широко распространен от Ладожского и Онежского озер до

Балкан и Эгейского моря, где болгарское слово "люднэ" обозначало сельское население в целом. Термин "люди" в смысле "сельское население", "данники", существовал и на севере, в новгородских землях, где, заимствованный из русского языка, он стал самоназванием вепсов ("людики"), вошедших в состав карельской народности.

Такое социальное значение термина "люди" сохранилось и гораздо позднее; еще в XVIII и XIX вв. о крестьянах и дворовых, принадлежавших каким-либо Шереметьевым или Юсуповым, говорилось, как об их "людях". Вместе с тем на Руси с каких-то пор (установить точно это пока невозможно) сельское население в целом стало обозначаться термином "смерд". Термин "смерд" уходит в седую даль времен, к тем временам, когда люди разных племен чаще всего называли себя просто "люди". Конечно, это слово в разных языках звучало различно: "мар", "мард", "мер", "морд", "мурд". Но оно характерно и для индоевропейских языков (иранское *murd* - муж, человек; французское *maré* - муж) и для финно-угорских, где мы встречаем его в названиях мордва, меря, мурома, мари, удмурты. Слово "смерд" отложилось и в названиях многих географических пунктов самых различных мест Восточной и Центральной Европы. В качестве примера можно привести такие названия, как "Смерды", "Смердино", "Смурд", "Смердина", "Смердовское" и др.

Постепенно термин "смерд" начинает обозначать то же, что и "люди", "простая чадь" сел и весей. Позднее он вытесняется словом "крестьянин". В источниках XII-XIII вв. мы уже часто встречаем термин "смерд", обозначающий сельское население вообще (смерды - данники, поданные; смерды - жители сел; смерды - работники, землепашцы, страдники и т. п.). Как и позднее термин "крестьянин", слово "смерд" в древней Руси имело несколько значений. Смердом именовали свободного общинника-земледельца, обязанного лишь платить дань князю и выполнять некоторые повинности. Смердом называли вообще любого поданного, буквально "находящегося под данью", подчиненного, зависимого. Смердом назывался в недалеком прошлом еще свободный данник, ныне княжеским повелением, т. е. путем внеэкономического принуждения, ставший рабочей силой княжеской или боярской вотчины. Такое разнообразие значения термина "смерд" обусловлено тем, что по мере развития феодальных отношений усложнялось положение тех категорий сельского населения, которые выступали под этим названием.

Аналогия "смерда" и "крестьянина" идет и дальше. Как в XVIII в. термин "крестьянин" обозначает различные категории крестьян: частновладельческих, помещичьих (крепостных) и дворцовых, принадлежащих царю, монастырских (тоже крепостных) и государственных, формально не являвшихся крепостными, так и во времена Киевской Руси термин "смерд" обозначал и сельское население вообще, и определенную его группу, и при этом едва ли не самую многочисленную, представлявшую собой основную массу феодально зависимого и эксплуатируемого люда.

Позднее термин "смерд" в устах феодальной верхушки приобретает оттенок пренебрежения. Еще позже он заменится словом "мужик". "Беззаконники из племени смердья", - говорит Ипатьевская летопись о двух неугодных князю галицких боярах. "Пойди, смерд, прочь! Ты мне не надобен", - крикнул Василий III знатному боярину. Таким образом, смерды - это общинники-данники, с которых во время "полюдья" собирают всякие поборы княжеские дружинники. Позднее, с оседанием дружин на земле, бояре-дружинники превращали смердов из данников в зависимых людей, т. е. теперь они были заинтересованы не в дани со смердов, а в самих смердах, в их хозяйстве. Смерд - зависимый от князя человек. Об этом говорит вознаграждение за убийство и за "муку" смерда, идущее в пользу князя, переход имущества умершего смерда князю, если у покойного не было сыновей, штраф за убийство смерда, равный цене, уплачиваемой князю за убийство его холопа, пастьба скота смерда вместе со скотом князя и т. д. (См. "Правда Русская", т. I, стр. 113-114). Смерд прикреплен к земле, он дарится вместе с ней. Изменить свое состояние он может, только выйдя из общины, бежав и тем самым перестав быть смердом. Смерд обязан платить оброк, т. е. дань, превратившуюся в феодальную ренту. Покидавший общину, разоренный смерд вынужден был искать заработка на стороне или закабалиться. В этом случае он

превращался в рядовича, закупа, "наймита". Превращенный в раба, он становится холопом. (В советской исторической литературе существует несколько точек зрения на смердов древней Руси. Так, например, С. В. Юшков полагает, что смерды являются особой категорией сельского населения, наиболее ограниченной в своих правах и наиболее угнетаемой. Это были крепостные крестьяне XI- XII вв. Положение их мало чем отличалось от положения холопов (рабов). С. В. Юшков считает, что нельзя термин "смерд" применять как синоним "сельского люда" (сельского населения), "крестьянства" (термин "крестьяне" по отношению к населению русских сел и деревень в источниках встречается лишь с конца XIV в. Смерды - социальная категория, численно ограниченная, составляющая лишь часть сельского населения (С. В. Юшков, *Общественно-политический строй и право Киевского государства*, М., 1949; его же: *Очерки по истории феодализма в Киевской Руси*, М. - Л., 1939; его же: *К вопросу о смердах. "Ученые записки Саратовского университета"*, 1923, т. I, вып. 4). О смердах, как об особой категории сельского люда, непосредственно зависящей от князя и только от князя, говорил также Б. А. Романов. В некотором отношении положение смердов, по его мнению, было хуже, чем положение холопов (Б. А. Романов, *Люди и нравы древней Руси*, Л., 1947). Княжескими людьми считал смердов и С. Н. Чернов (см. С. Н. Чернов, *О смердах Руси XI-XIII вв. Сборник "Академику Н. Я. Марру"*, М. - Л., 1935). Особняком стоит мнение о смердах Б. И. Сыромятникова, полагавшего, что среди смердов были рабовладельцы, имевшие собственных холопов (Б. И. Сыромятников, *О "смерде" древней Руси. - "Ученые записки Московского государственного университета"*, вып. 116, *Труды юридического факультета*, кн. 2, 1946). Мы в настоящей работе по вопросу о смердах в основном придерживаемся той точки зрения, которую развивал в своих трудах Б. Д. Греков и которая получила самое широкое распространение среди советских историков).

Большой интерес представляют и древнерусские "изгой". Нельзя не связать термин "изгой" с глаголом "гоить", что означает "жить". И сейчас еще говорят "рана загоилась", т. е. зажила. Отсюда естественно сделать вывод, что "изгой" - это человек, так сказать, "изжитый", выбитый из жизни, вырванный из своей обычной среды. Понятны и распространение изгойства в X-XII вв., и исчезновение этого термина позднее. В эти времена разрушения древних родовых и общинных связей, распада и разложения семейных и территориальных общин, всякий "людин", порвавший в силу тех или иных обстоятельств связь со своей общиной, вышедший из нее, становился изгоем. Изгой выходил из сельских общин, порождала их и городская жизнь. Изгоем становился и выкупившийся или отпущенный холоп.

Изгой - феодально зависимый люд. Порвав почему-либо со своей общиной, они оказались на земле феодала, подлежали суду господ, к которым переходило при отсутствии наследников их имущество, были прикреплены к господской земле и обрабатывали ее.

Каким же путем шло превращение общинников в зависимый люд? Древняя Русь знала две стороны этого процесса: захваты феодалами общинных земель и закабаление общинников.

В IX-XI вв. на Руси общинники в большинстве были уже "подданными" в том смысле, что они состояли "под данью", платили дань. Причем число общинников, только платящих дань, быстро сокращалось. Вначале князья раздают своим дружинникам не столько земли, сколько дани с земель, а затем уже сама земля смерда захватывается князьями и дружинниками, дарится и раздается. Вместе с землей и угодиями дарятся и раздаются и живущие на этой земле общинники. Экспроприируется их собственность, а они сами, всей общиной, превращаются в собственность князя, боярина, церкви, передаются по наследству, продаются.

Но была и другая сторона процесса превращения общинников в зависимых - их закабаление. В. И. Ленин говорит, что "русский крестьянин в XX веке все еще вынужден идти в кабалу к соседнему помещику - совершенно так же, как в XI веке шли в кабалу "смерды" (так называет крестьян "Русская Правда") и "записывались" За помещиками!" (В. И. Ленин, *Полн. собр. соч.*, т. 15, стр. 131).

В. И. Ленин указывает также, что землевладельцы кабелили смердов еще во времена "Русской Правды" (См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 199), а в другом месте отмечает: "Отработочная система хозяйства безраздельно господствовала в нашем земледелии со времен "Русской Правды"..." (См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 314).

Неурожаи, голод, стихийные бедствия, нападения врагов, грабеж со стороны дружинников, чрезмерные поборы разоряли общинников. Разоренный общинник вынужден был выходить из общины (если она сама не распадалась в силу ряда причин) и закабалиться. Превращаясь в закупа, рядовича и т. д., он уже не именовался "сельским людином", "простой чадью" или "смердом". Изменение в его положении вызывало изменение в его наименовании. Вырванный по тем или иным причинам из общины, "верви", "мира", общинник становился легкой добычей для феодала; он попадал в число зависимой от него "челяди" и выступал под этим или под более точно определявшим его положение названием.

Полюдь. С картины К. В. Лебедева

Таким образом, сельский люд, разоряясь, идет в кабалу к князю и прочим "нарочитым людям". Растет и множится число кабальных людей, эксплуатируемых путем барщины. Они пахут землю, сеют, жнут, молотят, косят сено, ухаживают за скотом, обслуживают двор господина, бьют зверя, ловят рыбу и дичь и т. д. Все большее и большее число холопов и изгоев садится на землю во владениях князя, церковей и бояр и по сути дела превращается в крепостных. "Княжие мужи" и бояре со своими дружинами, получившие землю смердов, проникают в самые отдаленные уголки древней Руси, и не спасают общинников ни дремучие леса, ни непроходимые болота, ни широкие, многоводные реки, ни мужественное сопротивление.

Одной из наиболее распространенных категорий закабаленных людей были рядовичи, впервые упоминаемые в "Русской Правде" Ярославичей.

Термин "рядович" происходит от слова "ряд", договор. Он обозначал человека, жившего у господина и работавшего на него по "ряду", т. е. по договору. Этот договор имел чисто феодальный характер: заключивший его человек из свободного превращался в феодально зависимого. Рядович в "Русской Правде" приравнен к холопу и смерду: за убийство рядовича, так же как и за убийство холопа и смерда, взымалась вира в пять гривен. Это заставляет видеть в рядовиче рабочую силу в хозяйстве феодала. Но часть рядовичей выступает в качестве младшей вотчинной или государственной администрации, своего рода несвободных приказчиков, становясь, таким образом, рядом с тиунами, сотскими, старостами.

Одной из разновидностей рядовичей были закупы. Закуп - это чаще всего общинник, смерд, взявший у феодала "купу" (отсюда и термин "закуп"), т. е. ссуду, которая могла выражаться в деньгах, зерне, инвентаре, тягловой силе и проч. Попавший таким образом в зависимое положение от феодала, закуп был обязан работать на него. До определенного времени, а именно до восстания в Киеве в 1113 г., вынудившего Владимира Мономаха дать свой "Устав", закуп фактически не мог освободиться от этой зависимости, потому что трудом своим он погашал не взятую ссуду - "купу", а "рез" - проценты на нее. Никаких возможностей найти средства где-то на стороне он не имел, так как "искать кун" (деньги) ему было запрещено. Попытка уйти от господина хотя бы на время, чтобы своим трудом добыть где-нибудь деньги, влекла за собой превращение закупа в "обельного холопа", т. е. раба.

Закуп, особенно "ролейный", т. е. работающий на пашне господина и пользующийся его инвентарем и рабочим скотом, нес ответственность за ущерб, причиненный имуществу господина во всех случаях, даже тогда, когда он физически не мог предотвратить этот ущерб.

Как можно видеть, зависимость закупа от феодала имела очень тяжелую, полурабскую

форму. Закуп не имел права судиться с господином, "искать правды" у князей и его "мужей". На суде он мог выступать в качестве свидетеля только в малых тяжбах и то лишь "по нужде". Господин не имел права убить закупа: это считалось "душегубством" со всеми вытекающими для убийцы последствиями, но бить его без вины было обычным делом.

Таковы основные категории феодально зависимого и эксплуатируемого люда.

Древняя Русь знала и наемную силу, но применение ее было незначительно. "Русская Правда", "Закон судный людем" и другие источники упоминают о вознаграждении лекарю, плотникам, мостникам и строителям, портным, наемным "ратаям", пашущим исполу, пастухам и т. д.

О расплате с наемными людьми говорит, например, относящаяся к XI в. написанная на бересте грамота новгородца Разнега, давшего деньги некоему Гюрьгевиц (Юрьевичу) для расплаты с наемными работниками ("людьми"). Но в раннефеодальном обществе путь от наймита до холопа был весьма короток.

Так ширилось на Руси феодальное землевладение, усложнялись формы феодальной зависимости, росло число и умножались категории эксплуатируемого населения. Феодальные отношения распространялись по всей территории Восточной Европы.

Рост феодальной эксплуатации не мог не вызвать антифеодальных народных движений, восстаний сельского люда и городской бедноты.

Глава вторая. Первые народные восстания в Суздальской земле и в Новгороде в XI веке (Выступления волхвов)

Первое крупное народное восстание вспыхнуло в Суздальской земле. Оно было направлено против местной общественной верхушки - "старой чади". На заре русской истории почти вся территория Суздальской земли была покрыта дремучим лесом. Он тянулся сплошным массивом, тая в себе многочисленные реки, ручьи, озера, болота. Лишь кое-где по Оке и в Ополье (Край, лежащий между Владимиром, Юрьевым Польским и Переяславлем Залесским) лежали безлесные пространства - поля, отроги далеких степей.

Дуб, клен, липа, рябина, орешник, чем дальше к северу, тем все чаще и чаще перемежались с сосновыми и еловыми лесами, а на севере и северо-востоке от линии, идущей от устьев Невы к Ильменю, а оттуда на верховья Волги и Низовья Оки, протянулась южная граница восточноевропейской тайги. Таежные ель, сосна, пихта, можжевельник сочетались с березой, осиной, ольхой. И, наконец, еще дальше, на севере Суздальской земли, лежали мрачные еловые леса, бесконечные моховые болота и заболоченные низины, суровые, но светлые сосновые боры, прорезанные холодными, чистоструйными северными реками. По Суздальской земле протекали Волга, Ока, Шексна, Москва-река и лежали озера: Неро, Клещино, Белоозеро.

В давние времена заселяли восточные славяне лесистый Суздальский край. Древнее население края - меря, в районе Ростова Великого, и весь, жившая у Белоозера, давно уже вступили в сношения с восточными славянами и, попав под влияние их более высокой культуры, постепенно обрусевали и растворялись в среде русских, заселявших край.

С северо-запада, из Приильменских, Новгородских земель, продвигались в Суздальскую землю словене, с верховьев Волги переселялись кривичи и, наконец, на юго-западе простирались поселения вятичей, древнейших славянских обитателей бассейна Москвы-реки.

Русское и финно-угорское население края занималось земледелием и скотоводством, но рыболовство, охота и бортничество играли весьма существенную роль. Развивались ремесла и торговля, возникали и росли города. Самыми древними городами края были Суздаль и Ростов, где сидело "старое" боярство.

Вот здесь, в Суздальской земле, и произошло первое в древней Руси известное нам из источников крупное народное восстание. Поводом к нему послужил голод, охвативший в

1024 г. Суздальскую землю и вызвавший в ней "мятеж велик". Древняя русская летопись "Повесть временных лет" сообщает, что простой народ стал избивать "старую чадь", т. е. местную богатую знать, спрятавшую запасы хлеба, и что это восстание сельского люда возглавили волхвы - жрецы старой, дохристианской религии.

Очевидно, голод явился лишь ближайшим поводом к восстанию, которое имело ярко выраженный антифеодальный характер. Дело в том, что самый голод был вызван не только неурожаем. В летописях, особенно в новгородских, мы не раз встречаем указания на голодание населения. Голод обычно был последствием "безмерных дождей", засух, безвременных заморозков, суховея и т. п. Но следует отметить, что такие голодовки, вызванные климатическими условиями, становятся обычными лишь в период с конца XIII до начала XVII в., когда наблюдается известное ухудшение климата. Что же касается периода до XI в., то, судя по летописи, а также и по данным палеоботаники, палеозоологии, археологии и геологии, климат древней Руси был более теплым, более мягким и постоянным, чем в позднейшие времена. Конечно, голод 1024 г. мог явиться результатом какого-нибудь стихийного бедствия, постигшего Суздальскую землю. Но не надо забывать, что крестьянское хозяйство в те времена было крайне неустойчивым: малейший неурожай вызывал голод, однако народное восстание связывается лишь с голодом 1024 г.

В чем же тут дело? Летопись говорит о том, что голод в этом году охватил далеко не все слои населения Суздальской земли. "Старая чадь" не голодала, она держала в своих руках запасы хлеба - "гобино". В древнерусском языке слово "гобино" означало урожай злаков и плодов вообще, но чаще всего этот термин применялся к урожаю зерновых хлебов. Летописец подчеркивает то обстоятельство, что от голода, постигшего Суздальскую землю в 1024 г., страдала только "простая чадь". "Старая чадь", очевидно, пользовалась народным бедствием - голодом: прибрав к рукам хлеб и ссужая его голодающим, она закабаляла окрестный люд, подчиняла его себе, заставляла работать на себя в своем феодальном хозяйстве. Вот эта феодальная эксплуатация и была основной причиной "мятежа великого и голода по всей той стране", о чем говорит "Повесть временных лет" под 1024 г. Голод прекратился (люди, по выражению летописца, "ожиша", т. е. ожили) только тогда, когда голодающие суздальцы по Волге отправились в землю Камских болгар и привезли оттуда хлеб ("жито").

Восстание смердов Суздальской земли против "старой чади" заставило всполошиться господствующую феодальную верхушку. Не голод, а именно "мятеж велик" вынудил князя Ярослава Мудрого, находившегося тогда в Новгороде, все внимание уделить событиям в Суздальской земле. Вот почему Ярослав со своим войском направляется не в Чернигов, где в это время сел на княжеский стол его соперник и конкурент Мстислав, а в Суздальскую землю, где появились "волхвы лживые", поднявшие восстание "простой чади" по селам.

Прийдя в Суздальский край, Ярослав захватил волхвов, одних казнил, а других отправил в изгнание (См. "Повесть временных лет", ч. 1, стр. 99-100, 299). В Новгородской летописи содержатся некоторые дополнительные сведения о восстании 1024 г. Она рассказывает о том, что часть восставших против "старой чади" была убита, очевидно, во время столкновения с княжескими дружинниками, имущество казненных и ссыльных участников восстания было разграблено (См. "Новгородская IV летопись", СПб., 1915, стр. 112). Так закончилось первое крупное крестьянское восстание на Руси. К сожалению, летописи не сохранили его подробностей.

Своеобразие этого народного движения заключалось в том, что во главе восставших против "старой чади" смердов стояли волхвы, которые стремились использовать антифеодальное выступление народа для возврата к прежним дохристианским культам.

Это была не единственная попытка волхвов вернуть былое влияние. В "Повести временных лет" под 1071 г. следует рассказ о выступлениях волхвов в Киеве, Новгороде и Суздальской земле, в частности в Белозерье.

Следует отметить, что летописная дата - 1071 год - неверна. Известные исследователи русских летописей - А. А. Шахматов и М. Д. Приселков убедительно доказали, что восстания

эти проходили в разное время между 1066 и 1069 гг.

Под 1071 г. их поместил составлявший эту часть "Повести временных лет" летописец, который записал рассказ о восстании в Суздальской земле со слов Яна Вышатича, богатого и влиятельного боярина, видного дружинника черниговского князя Святослава Ярославича (сына Ярослава Мудрого).

Ян Вышатич был очевидцем этого восстания; именно он и подавил движение смердов в Суздальской земле и расправился с их вождями - волхвами. Летописец под одним годом поместил в летописи и рассказ Яна Вышатича и все известные ему выступления волхвов. Точно датировать он их не мог, и поэтому в его рассказе все время встречаются такие выражения: "в те же времена", "однажды", "при князе Глеба".

Первым по времени было выступление волхва в Киеве. А. А. Шахматов считает, что оно, возможно, имело место в 1064 г. Волхв появился в Киеве и стал пророчить, что на пятый год Днепр потечет в обратном направлении, а земли начнут перемещаться - Греческая земля займет место Русской, а Русская - Греческой; изменят свое местоположение и другие земли.

Летописец сообщает, что "невеглые" (т. е. невежды, под которыми следует подразумевать киевлян, еще не отрешившихся от привычных, так называемых языческих, верований) слушали его проповедь, а киевляне крещеные, т. е. принявшие христианство, смеялись над ним.

Не надо забывать того, что христианство на Руси стало официальной государственной господствующей религией лишь в конце X в., за 80 лет до описываемых нами событий, и при этом, выступая в роли силы, укрепляющей феодальный общественный строй и феодальное государство, оно, естественно, встречало отпор и недоброжелательное отношение со стороны трудового люда городов и сел древней Руси. И неудача волхва, который, как говорит "Повесть временных лет", однажды ночью пропал без вести, объясняется тем, что в Среднем Приднепровье, в Киеве уже давно сложилась феодальная государственность, укрепились княжеская военно-дружинная организация, и христианская церковь стала могучей силой. Поэтому проповедь волхва в Киеве не могла иметь успеха, хотя и представляла известную опасность для киевских феодалов. И, очевидно, не без их участия киевский волхв вдруг исчез, причем исчез ночью, когда киевские "невегласи" из "простой чади" не могли заступиться за него ("Повесть временных лет", ч. 1, стр. 116-117, 317).

Подобная обстановка сложилась и на другом конце Руси, на берегах Волхова, в Новгороде. Здесь при князе Глебе, сыне Святослава Ярославича, тоже однажды выступил волхв.

Новгород - второй по величине после Киева город древней Руси - в большей степени сохранил старые, дохристианские верования. Его многочисленная "простая чадь" сопротивлялась и христианской церкви, и киевским князьям, стремившимся подчинить себе Новгород, поставить своих дружинников в особо привилегированное положение и заставить новгородцев платить дань. Не случайно древнее предание, записанное, правда, в поздней летописи, повествует о том, что воеводы киевского князя Владимира Святославича - Добрыня и Путята крестили новгородцев огнем и мечом.

В событиях начала XI в., в частности в межкняжеской усобице между Ярославом Мудрым и Святополком Окаянным, новгородские смерды и особенно простые люди из горожан сыграли большую роль. Они помогли Ярославу одержать победу над Святополком, которому оказывали поддержку интервенты - войска польского короля Болеслава, состоявшие из поляков ("ляхов") и наемников - немцев и венгров ("угров"). За эту помощь Ярослав щедро одарил новгородцев: новгородцы и старосты, как написано в Новгородской летописи, получили по 10 гривен, а смерды - по гривне. Кроме того, что еще важнее, Ярослав дал "Русскую Правду" (так называемую "Древнейшую Правду"), в которой новгородцы были приравнены к княжеским мужам, и еще какой-то устав, не дошедший до нас.

Все это придавало известную уверенность действиям волхва в Новгороде при Глебе Святославиче. Разговаривая с людьми, волхв утверждал, что может творить чудеса,

например на глазах у всех перейти Волхов, что он знает наперед, что произойдет, и хулил христианскую веру. Речи волхва возымели действие. Большинство новгородцев встало на сторону волхва. Уже собирались убить новгородского епископа. Надев на себя облачение, епископ вышел к новгородцам и обратился к ним с речью: "Кто хочет верить волхву, пусть идет за ним, кто же истинно верует, пусть тот к кресту идет". Результат был для епископа неожиданным: "И люди разделились надвое: князь Глеб и дружина его пошли и стали около епископа, а люди все пошли и стали за волхвом. И начался мятеж великий в людях", - сообщает "Повесть временных лет".

Князь Глеб не растерялся. Спрятав под плащ топор, он подошел к волхву и после краткой словесной перепалки ударом топора убил волхва. Потеряв руководителя, "люди разошлись" ("Повесть временных лет", ч. 1, стр. 120-121, 321).

Так закончилось выступление новгородцев. Самым значительным из известных нам по источникам восстаний смердов, руководимых волхвами, было восстание в Суздальской земле, датируемое летописью 1071 г. Ян Вышатич рассказывал летописцу, как однажды, когда некоторое время (после 1067 г.) Белозерье принадлежало его князю - Святославу Ярославичу, он направился туда, на далекий Север, собирать дань в сопровождении двенадцати дружинников ("отроков") и священника ("попина").

В те времена существовал такой порядок. "Княжой муж", собиравший дань ("даньщик") или денежные штрафы- "виры" ("вирник"), вместе со своими дружинниками и слугами переходил на содержание к населению тех земель, где он действовал. Даньщик считал в это время смердов, с которых он собирал дань, не только княжескими, но и своими людьми, так как часть собираемой с них дани шла в его пользу.

Придя на Белое Озеро, Ян Вышатич со слов белозерцев узнал о восстании волхвов. Это восстание началось в Ростовской области, в Суздальской земле. Поводом к нему, как и в 1024 г., послужил недород ("скудость") и последовавший за ним голод. В голодающий край явились из Ярославля два волхва и заявили, что они знают, кто держит в своих руках запасы пищи ("обилье"). Поднялось восстание. Руководимые волхвами смерды двинулись по Волге и по Шексне. Приходя в тот или иной погост, где сидели "повозники", привозившие дань, т. е. та самая "старая чадь", о которой упоминает "Повесть временных лет" под 1024 г., они указывали на "лучших жен", говоря, что одна держит жито, другая - мед, третья - рыбу и т. д.

Летописец рассказывает о том, какие последствия имело изобличение волхвами "лучших жен", скопивших большие запасы продуктов. В "Повести временных лет" читаем:

"И стали приводить к ним сестер своих, матерей и жен своих. Волхвы же, в навожденьи, взрезая тем заплечья, вынимали оттуда либо жито, либо рыбу и таким образом убивали многих женщин, и имущество их захватили себе" ("Повесть временных лет", ч. 1 (перевод Д. С. Лихачева и Б. А. Романова))

Немного далее мы объясним этот странный рассказ летописи о расправе с "лучшими женами", а сейчас остановимся прежде всего на социальном содержании руководимого волхвами движения смердов, охватившего Суздальскую область, окрестности Шексны и Белозерский край.

М. Н. Тихомиров обратил внимание на "Летописец Переяславля Суздальского", который сообщает ряд важных подробностей, свидетельствующих о том, что рассказ о восстании в Суздальской земле, помещенный в "Летописце", более древний и достоверный, чем в "Повести временных лет".

Из "Летописца Переяславля Суздальского" мы узнаем, что белозерцы, рассказавшие Яну Вышатичу о восстании смердов, пришедших к ним с Волги и Шексны, были не на стороне восставших; они сокрушались о том, что смерды "много жен и муж погубиша", и что в результате этого "дани не на ком взять".

Отсюда следует, что информаторами княжеского данщика Яна Вышатича были те белозерцы, которые отвечали за сбор дани, свозили ее в погосты, куда прибывали за данью "княжие мужи", выступали в роли "повозников", т. е. были близки не к смердам, а к пострадавшим от смердов "лучшим мужам" и "лучшим женам".

Кроме того, "Летописец Переяславля Суздальского" дает возможность установить еще одну особенность восстания смердов.

"Повесть временных лет" сообщает, что жертвами восставших смердов были женщины, "лучшие жены", т. е. хозяйки богатых домов. Об этом же говорят и новгородские летописи, причем Новгородская IV летопись переносит рассказ о действиях восставших, избивавших "старую чадь бабы" (т. е. женщин "старой чади"), помещенный под 1071 г., на события 1024 г. Все это дало повод высказать мысль о сохранении на северо-востоке Руси материнского рода, матриархата, когда главой семьи был не мужчина, а женщина, которая являлась и распределителем всего имущества, принадлежавшего роду или семье.

"Летописец Переяславля Суздальского" в отличие от "Повести временных лет" и новгородских летописей сообщает, что во время восстания убивали не только жен, но и "много... муж погубиша", т. е. среди погибших от руки восставших смердов были не только женщины, но и мужчины.

И это вполне понятно, так как ни о каком материнском роде на Руси в XI в., конечно, не может быть и речи. Дело заключается, как мы увидим, в том, что продуктами, накопленными богатыми семьями в определенных случаях, действительно распоряжались "лучшие жены".

Расправа с "лучшими женами" и с "лучшими мужами", в результате которой имущество богатой местной верхушки, "старой чади" доставалось страдавшим от голода и кабалы смердам, привела к тому, что, когда восставшие смерды пришли на Белоозеро, их отряд насчитывал 300 человек. Здесь их и встретил Ян Вышатич. Прежде всего, он расспросил, чьими смердами являются руководители восстания - волхвы. Узнав, что они - смерды его князя, Святослава, Ян Вышатич потребовал от белозерцев их выдачи.

"Выдайте волхвов этих сюда, потому что смерды они мои и моего князя", - заявил он белозерцам. Белозерцы его не послушались, очевидно, не решаясь идти в лес, где находились повстанцы. Тогда Ян Вышатич решил действовать сам. В начале он хотел идти к восставшим смердам один, без оружия, но его дружинники ("отроки") отсоветовали ему, и вскоре к лесу двинулась вся хорошо вооруженная дружина Яна, насчитывавшая двенадцать человек, а с нею и священник ("попин"). Восставшие, относительно которых "Летописец Переяславля Суздальского" подчеркивает, что они были смердами ("...смерда ополчишася против"), вышли из леса и изготовились к бою. Ян Вышатич двинулся на них с топором в руке. Тогда от отряда восставших отделились три смерда, подошли к Яну и сказали: "Видишь сам, что идешь на смерть, не ходи". Ян приказал своим дружинникам убить их и двинулся дальше, к стоявшим и поджидавшим его смердам. Тогда смерды бросились на Яна, причем один из них замахнулся на него топором. Ян вырвал топор из рук смерда, ударил его обухом и приказал своим дружинникам рубить восставших. Смерды отошли к лесу, успев по дороге убить священника Яна. Войти в лес вслед за смердами и вступить с ними в бой Ян Вышатич не решился. Он предпочел другой путь расправы с восставшими. Вернувшись в город Белоозеро, Ян заявил белозерцам, что если они не схватят пришедших из Суздальской земли волхвов ("аще не приведете сих смердов"), то он не уйдет от них хоть год. Перспектива кормить и поить Яна с дружиной и собирать им дань круглый год мало улыбалась белозерцам. Они должны были действовать сами. Белозерцам удалось схватить волхвов и выдать их Яну.

Во время допроса волхвы держались стойко. Убийство стольких людей они объясняли тем, что убитые располагали большими запасами ("обилье") и если их истребить, то у всех будет изобилие ("гобино"). Волхвы вступали в богословский спор с Яном, упорно отказывались признать право Яна судить их, заявляя, что они подсудны только их князю - Святославу. Видимо, им хорошо была известна "Русская Правда", гласившая, что нельзя "мучать смерда без княжа слова", т. е. смерды подсудны только князю и никто, кроме князя, не может их наказать. Волхвы мужественно выдержали пытки, которым подверг их Ян Вышатич.

Натешившись над бессильными волхвами, Ян выдал их "повозникам", чьи жены, матери, сестры и дочери ("лучшие жены") погибли от их рук. "Повозники" расправились с

волхвами по старому обычаю кровной мести, по которому родственники убитого мстили убийцам. Здесь на Севере, кровная месть была еще распространена и даже признавалась княжеским судом как нечто, идущее "от бога по правде". Мстя за смерть своих родичей, "повозники" убили волхвов, и трупы их были повешены на дубе у устья Шексны ("Повесть временных лет", ч. 1, стр. 117-119, 317-319; "Летописец Переяславль Суздальский", М., 1851, стр. 47-48). Таков летописный рассказ о восстании волхвов в Суздальской земле, охватившем Ростовскую область, Ярославль, Шексню, Белоозеро.

Кто поднялся на призыв волхвов истреблять по погостам "лучших жен", за то, что они держат "гобино", "обилье", и "глад пушают"? Кто "отымашета себе" "именье их"? Очевидно, те, кто не имел этого "обилья", с кого "старая чадь" - опора княжеской власти - взимала всякого рода продукты и "товары", для того чтобы уплатить их в качестве дани князю или "княжему мужу", тому же Яну Вышатичу. Это были те, кого владельцы "гобинных домов" закабалили разного рода "рядами" и "купами", те, кто становился феодально зависимым и Эксплуатируемым человеком.

Восстание смердов в 1071 г. (летописная дата).

Это было "сельское угодье", простые смерды. И Ян Вышатич имел полное основание считать не только триста человек восставших, пришедших с волхвами к Белоозеру, но и самих волхвов смердами. Вот почему в руках у восставших типичное оружие крестьян - топор, вот почему на миниатюрах Радзивилловской (Кенигсбергской) летописи изображенному в долгополой одежде феодалу Яну, вооруженному мечом, противостоят одетые в рубахи и шаровары и вооруженные топорами смерды. Позднейший летописец был прав, именно так иллюстрируя записанный летописцем рассказ Яна Вышатича. Прав и "Летописец Переяславля Суздальского", настойчиво подчеркивавший, что и волхвы, и те, кто истреблял "лучших" жен и мужей, и триста человек повстанцев, с которыми столкнулся в лесах Белозерья Ян Вышатич, - все они были смерды.

Восстание в Суздальской земле имело большой размах и этим отличалось от выступления волхва в Киеве. Объяснение этому не трудно найти в специфике социальной жизни далекого Севера. Если для юга Руси, для Поднепровья уже прошло время, когда вассалы - бояре, дружинники получали от своего господина, князя, пожалования в виде части собираемой им дани, если там быстро шло "обояривание" земель, а с ним и превращение дани в постоянную феодальную ренту, то на северо-востоке дело обстояло иначе. Здесь в земле древнего местного населения - мери и веси и пришедших с запада кривичей и словел, лишь появлялись лены (т. е. княжеские пожалования), Заключавшиеся только в праве собирать для себя дань, за которой и разбредались в полюдь "княжий мужи"; здесь из местной "старой чади" только начинало вырастать богатое, знатное, влиятельное и спесивое боярство "старых городов" - Ростова и Суздаля.

Поэтому так упорно отстаивали свое право "стать перед Святославом" мятежные волхвы. Они считали себя данниками (подданными в прямом и переносном смысле) только князя, признавали право "княжих мужей" - данщиков собирать с них дань, но они отказывались считать себя одновременно и смердами, "княжого мужа", волей князя получавшего дань с их земли.

Смерда нельзя "умучать" "без княжа слова" - это твердо знали восставшие волхвы и поэтому смело пререкались с Яном Вышатичем, призывая и своих богов и ссылаясь на авторитет княжеского законодательства - "Русской Правды".

Подавленное Яном Вышатичем восстание волхвов было не последним в Суздальской земле. В 1091 г. снова "волхв явися Ростове, но вскоре погиге" ("Повесть временных лет", ч. 1, стр. 141, 342).

Хотя восстания смердов, руководимых волхвами, имели место и в Киеве и в Новгороде,

почему же больше сохранилось сведений о восстаниях, вспыхивавших в Суздальской земле, на северо-востоке Руси?

Дело в том, что на территории Среднего Приднепровья они происходили в более ранние времена, когда летописание еще не было так развито. Поэтому они не попали в летопись. Что касается северо-восточной Руси, то здесь время для подобного рода социальных движений наступило несколько позднее, в XI в., когда летописание уже достигло высокого развития и важные события, проходившие даже вдалеке от Киева, находили отражение в летописях.

Кроме того, этот своеобразный характер движения смердов объясняется тем, что северо-восток, заселенный не только русскими, но и племенами финно-угорских языков, в X-XI вв. отставал в своем развитии от Приднепровья. Этническая пестрота этого края, более медленные темпы общественного развития его населения, более медленное распространение новой, классовой идеологии, христианства, - все это способствовало тому, что происходившие здесь восстания смердов более длительное время сохраняли форму движения волхвов.

В самом деле, как объяснить непонятное место из летописи, где говорится, что волхвы наносили раны "лучшим женам" и вынимали из ран жито, рыбу, меха?

Еще в середине прошлого столетия у мордвы бытовал обряд, напоминающий летописный рассказ о странных действиях волхвов в Суздальской земле. Обряд этот заключался в том, что особые сборщики ходили по дворам и собирали припасы для общественных жертвоприношений именно с женщин, которые держали эти припасы в специальных мешках, надетых через плечо. Помолившись, сборщик срезал мешок и при этом несколько раз слегка колол женщину в плечо или спину особым священным ножом.

Видимо, летописец связал религиозный обряд, распространенный в то время на северо-востоке, с движением волхвов.

Действительно ли волхвы исполняли свои обрядовые функции во время восстания, посчитал ли летописец убитых жен "лучших мужей", виденных Яном Вышатичем, за жертв обряда, во время которого волхвы не кололи, а убивали (на что, как мы видели, были свои причины), определить трудно.

Если мы учтем, что край, где развернулось восстание волхвов, издавна был населен весью и мерей, среди которых были распространены сходные обычаи, наблюдавшиеся у мордвы еще спустя восемь столетий, то нам станут понятными некоторые странные на первый взгляд особенности восстаний волхвов.

Полурусский - полуфинно-угорский, "чудский" Север был весьма привержен к первобытным верованиям, к волхвам, кудесникам. Не случайно под тем же 1071 г. летописец поместил и рассказ некоего новгородца, посетившего "чудь", т. е. область коми-зырян, где он наблюдал сцену настоящего камлания впавшего в исступление кудесника, который лежал в конвульсиях ("шибе им бес").

Христианство, вытеснявшее культ старых богов посредством культа святых, проникало на северо-восток Руси чрезвычайно медленно. Слишком далек был христианский мир от Шексны и Сухоны; христианская церковь раньше и скорее укрепилась на берегах Днепра, чем в далеких пустынных лесах Белозерья.

Попытаемся, исходя из анализа всех сообщений летописи и привлекая этнографический материал, охарактеризовать восстания смердов. "Старая чадь" была местной феодализирующей верхушкой, утверждавшей свое господство на осколках распадавшегося первобытнообщинного строя. Судя по археологическим материалам и этнографическим данным, одна часть ее принадлежала к русифицировавшимся остаткам древнего восточно-финно-угорского населения края, а другую часть составляли кривичские, словенские и вятичские переселенцы. Среди потомков исконного населения этого края - мери, еще долгое время бытовали некоторые обычаи, отличные от русских и сближающие их с соседней и родственной мордвой. Эта "старая чадь" помогала княжеским данщикам собирать дань, везла "повоз", доставляла собранное к специальным княжеским "местам",

была опорой "княжих мужей" во время "полюдья".

В то же самое время местная знать, пользуясь своим богатством, а быть может, опираясь и на пережитки родоплеменных институтов, обогащаясь в результате эксплуатации челяди, закабаляла своих сородичей. Устанавливая феодальные формы зависимости и держа в своих руках "гобино", "обилье" и "жито", она становилась вершителем судеб своих менее обеспеченных соседей. И всякий "глад" (голод) она использовала для того, чтобы ссудами и кабальными сделками подчинить себе окрестное население. Вот почему ее обвиняли в том, что она держит "гобино и жито" и "глад поущает". Это и было причиной восстания и истребления "старой чади".

Но чем объяснить то, что эти восстания выступают перед нами как движения волхвов? Длительное господство первобытнородовых культов, упорно сопротивлявшихся особенно здесь, на северо-востоке, силой меча внедряемому христианству, распространение волхования, столь характерного главным образом для северных земель Руси, и, наконец, особенности самой структуры общинной организации были причиной того, что первые восстания зависимого или полузависимого сельского люда против феодалов принимают форму восстаний волхвов. Волхв - представитель старой, привычной религии, религии первобытнообщинных времен. Он сам вышел из общины, он близок сельскому люду, он сам часто смерд. В представлении сельского люда волхв ассоциируется со свободным состоянием, с отсутствием княжеских данщиков, вирников и прочих княжеских "мужей". Когда был волхв, не было ни даней, ни повоза, ни вир, земля была у общинников, их собственностью были угодья, поля, нивы, урожаи и леса. Справляли старые праздники, придерживались стародавних обычаев, молились старым богам. Теперь не только в княжеских горницах и гридницах, но и по всей Руси волхва вытеснял священник.

Дани и поборы, виры и повоз, появление на общинных Землях новых хозяев - бояр и монастырей, экспроприация общинных угодий и земель, закабаление со стороны местной "старой чади", введение христианства и появление на месте капищ и священных рощ церквей, а вместо волхвов - священников - все это по вполне понятным обстоятельствам в представлении люда далеких северо-восточных сел сливалось воедино, в нечто несущее конец их привычному общинному быту. Замахнуться против "старой чади" означало выступить против князя, восстать во главе с волхвом, означало начать борьбу с церковью, со священником, т. е. в конечном счете с тем же князем. Поэтому во главе движений смердов становятся волхвы, служители старых богов, строгие блюстители стародавних обычаев, руководители религиозных празднеств, справлявшихся из поколения в поколение, хранители чудесных таинств и сверхъестественных знаний, кудесники и ведуны, общающиеся с богами, умеющие их умиловить, испрошающие у них блага для людей - "дажьбожьих внуков".

Движения смердов, руководимых волхвами, сложны. Различны цели восставших смердов и волхвов. Смерды борются с феодализацией, неотвратимо надвигающейся на них. Для них восстание против "старой чади" и князя с его "мужами" есть не что иное, как борьба с укрепляющимся феодализмом. Для волхвов - это борьба за реставрацию старого быта, за сохранение старой, доклассовой религии, а вместе с ней и того положения, которое они раньше занимали в обществе. Волхв - осколок отживающего мира, сторонник отмирающих старых порядков. Он зовет назад, его цели реакционны. Смерды еще прислушиваются к голосу волхва. Авторитет волхва еще высок. Как и позднее, религиозные мотивы играют большую роль в борьбе сельского люда с феодалами. Когда волхв призывает смерда выступить против христианства, борьба с христианской церковью перерастает в выступление против князя, бояр и наоборот. Тесный союз господствующего класса с церковью создает подобную специфику первых антифеодальных движений. Феодализация и христианизация совпадали по времени.

Феодалы обрушивались на общинника, разоряли его, превращали всю общину в целом в подвластную феодалу организацию зависимого сельского населения и, обирая смерда, превращали его в кабального человека.

Одновременно христианство, проникавшее повсюду вместе с "княжими мужами",

вытесняло старых общинных богов, уничтожало культовые места, места молений, сборов и сходов, изгоняло зарождавшееся и, чем дальше на север, тем все более сильное и влиятельное жречество, разбивая идеологию первобытнообщинного строя. Борьба за старую идеологию, борьба с христианством и стала формой восстания смердов. Не будучи в состоянии противостоять феодалу в открытой борьбе, смерд стремился оказать ему отпор, организуясь вокруг старых общинных начал, общинного быта, обычаев, верований. Но эта борьба сельского люда Руси носила иной характер, отличный от стремлений волхвов. Конечные цели волхвов и смердов разошлись. Волхвы были выброшены за борт истории. Они смотрели назад, в прошлое, и ушли в прошлое. Народ, сельский люд, не мог уйти в прошлое. Его восстания не могли привести к ликвидации зарождавшегося и крепнущего феодализма, но они были звеном в общей упорной борьбе народных масс с феодализмом, с церковью и христианской религией за общинные порядки, за землю без бояр, за свою самобытную, окрашенную древними верованиями, культуру.

Каковы же были результаты восстаний смердов?

Источники не сохранили никаких указаний, свидетельствующих о том, что выступления волхвов повлияли хотя бы в какой-либо степени на общественно-политический строй древней Руси. Конечно, поражения восстаний смердов вели к усилению гнета, к укреплению феодальных отношений и княжеской власти. Однако восстания смердов являлись прогрессивными, народными движениями потому, что они были направлены против феодализма. И хотя смерды смотрели назад, в "золотой век" первобытнообщинного строя, сего общинной собственностью, их борьба отражала то стихийное недовольство крестьянства, которое, в конце концов, привело феодализм к гибели. Восстания смердов были первым звеном цепи крестьянских восстаний.

Вместе с отмиранием первобытнообщинных отношений, родового быта, племенного строя, вместе с ростом феодальных отношений исчезает и специфическая форма восстаний смердов - выступления волхвов. Они могли иметь место в мире общин, в полунатриархально-полуфеодальной деревне первых десятилетий после крещения Руси, но им уже не было места в городе, не было места на Руси победившего феодализма и укрепившегося христианства.

Исчезают и волхвы. В "Летописце Переяславля Суздальского" есть одно очень интересное место. Повествуя о расправе волхвов с "женами", летописец сообщает, что они "мечтанием" (т. е. символически), "яко скомороси", совершали свое ритуальное действие (См. "Летописец Переяславль Суздальский", стр. 47). Таким путем летописец сближает волхвов со скоморохами и волхование со скоморошеством.

Скоморох, как и волхв, с которым он сближается и который, уходя в прошлое, завещает ему некоторые свои функции, выступает обличителем "неправды", строя гнета и насилия. Его "глумление" из песнопения и игры (древнейшее значение термина "глум") перерождается в сатиру. Он использует древний эпос, идеализирующий "золотой век" первобытнообщинного строя, и играет на противопоставлении его новому, феодальному обществу.

Скомороший "глум" опасен для властей: "Смеха бегай лихого скомороха". Их "баяние" о славной поре, давно ушедшей в прошлое, а поэтому еще в большей степени идеализируемой, их "буе слово", их "поругание" современных порядков - все это повод к попытке вернуть старые, патриархальные, общинные времена, священные и для скомороха, и для "люды". А это уже было "встанью", "мятежом", с точки зрения феодальной знати.

Так кончились восстания смердов, протекавшие в оболочке движения волхвов, кончились, не внося никаких существенных изменений в общественную жизнь древней Руси.

Глава третья. Восстание в Киеве в 1068 году

На покрытых некогда дремучим лесом холмах правого берега Днепра раскинулся Киев

- "мати градом русским", стольный город древней Руси. Раскопки древнего Киева обнаружили на территории города три древнейших поселения VIII-IX вв., не представлявшие собой еще единого центра. Эти три поселения, расположенные на Щековице, на горе Киселевке и на Киевской горе, три городища дофеодального Киева, по преданиям, записанным летописцем, связывались с именами Кия, Щека и Хорива. Они не покрывались общим названием "Киев", и только к концу X в. одно из них, расположенное на Киевской (Андреевской) горе, втянуло в орбиту своего влияния все остальные, и только тогда складывается Киев как единый крупный городской центр.

Древнейшее Киевское городище, значительно меньших размеров, чем так называемый "град Владимира", было окружено валом и рвом. Найденная на дне рва лепная керамика, очень грубая и примитивная, позволяет датировать древнее Киевское городище VIII-IX веками, а может быть, даже более ранним временем. Внутри городища VIII-IX вв. обнаружена земляная прямоугольной формы с крышей из досок, покоившейся на балке. Стены были сплетены из прутьев и обмазаны глиной. В землянке стояла прямоугольная глиняная печь со сводчатым верхом. На полу землянки найдены осколки битой лепной посуды и глиняные пряслица, датируемые теми же веками. Таково было жилье обитателя древнего Киевского городища. На древнем Киевском городище были найдены остатки древнего капища, сложенного из серого песчаника в виде Эллипса. Вокруг жертвенника сохранился глиняный пол. При постройке в 989 г. Десятинной церкви (церкви Богородицы) ров, окружавший древнее Киевское городище, был засыпан.

"Град Владимира" был огражден земляным валом с каменными башнями. Развалины одной из таких башен "града Владимира" получили название "Батыевых ворот". На территории густо заселенного "града Владимира", основание которого следует датировать концом X в., стояли Десятинная церковь, церковь Василия, княжеские "хоромы", Янчин монастырь. От "хором" Ольги - Владимира дошел до нас каменный фундамент здания, расположенного у Десятинной церкви. Нижний его этаж был возведен из скрепленного известью красного кварцита, доставленного с Волыни, верхний же этаж был сложен из тонкого кирпича с рядами мелкозернистого песчаника и прослойками цементирующего вещества, смешанного с толченым кирпичом. Кирпич был выкрашен светло-коричневой краской и имел скошенные боковые стенки. Среди остатков дворца найдены куски карнизов, плит, мрамора и других пород камня. Красновато-коричневый дворец киевского князя был богато декорирован и имел роскошный вид. Внутри "хоромы" были расписаны фресками и украшены мозаикой. Потолок и пол были деревянными. Наличники дверей сделаны были из красного шифера и скреплены железными стержнями, залитыми свинцом. Обнаружены оконные стекла круглой формы.

Рядом, к западу, было расположено другое каменное Здание, обмазанное штукатуркой с богатой фресковой живописью. Родовой знак Владимира на одной из плит датирует здание концом X и началом XI в. Тут же стояла Златоверхая Десятинная церковь, от которой дошли до нас фундамент, капители колонн, мраморные и шиферные карнизы, мраморные парапеты, куски фресок и мозаик, остатки мозаичного пола и т. д., что говорит о роскошном оформлении первой русской каменной церкви. Невдалеке от Десятинной церкви и каменных княжеских "хором" находились мастерские для обработки камня, где выделялись мраморные, шиферные и прочие карнизы, плиты, иногда украшенные орнаментом, служащие для изготовления изразцов, полных эмалью. Здесь же располагались ювелирные, стекольные и литейные мастерские, изготавливались предметы из кости и рога и т. д. Продукцию этих мастерских мы находим в остатках церквей и "хором" древнего Киева, в погребениях,кладах и т. д. И, наконец, во времена Ярослава создается огромный "Ярославов город" с "Золотыми" и "Лядскими" воротами.

При Ярославле Мудром, в 1037 г., был заложен Киевский Софийский собор - один из самых замечательных памятников архитектуры древней Руси. Грандиозный храм, полный света, украшенный яркими фресками и мозаикой, монументальный и торжественный, он производил огромное впечатление на современников.

В Киеве во второй половине XI и в XII в. уже немало пышных каменных дворцов, от которых дошли до наших дней нижние части стен, украшенные мозаикой, чаще же всего одни фундаменты. Строятся новые церкви и монастыри, в том числе Михайловский, Дмитриевский и Янчин. Высятся по-прежнему Десятинная Златоверхая церковь - усыпальница князей - со своими саркофагами из мрамора, шифера и дерева, где были погребены княгиня Ольга, Ярополк, Олег и Владимир Святославичи и другие князья. Новый город Владимира и Ярослава, разрастаясь, покрыл собой древний могильник IX-X вв. В этом могильнике найдено до 150 погребений "простой чади" в деревянных, сбитых гвоздями ящиках, с бедным погребальным инвентарем (ножи, стрелы, кресла, кремни, перстни, височные кольца и т. п.) и несколько богатых курганов, представляющих собой могилы знати - дружинников, с многообразным и богатым инвентарем (копья, топоры, стрелы, колчаны, седла, удила, стремяна, куски богатой одежды и т. п.) и сопроводительными погребениями рабынь. Над древним кладбищем быстро растет новый город и бьет ключом бурная жизнь столицы древней Руси.

В центре Киева высились княжеские дворцы. В древние времена дворец князя представлял собой огромное помещение, где одновременно могло находиться до 400 человек. Это не что иное, как рубленая из огромных бревен гридница, известная нам из летописи и скандинавских саг. Гридница очень велика. Она вмещает не только всех княжеских чад и домочадцев, не только всех ближайших слуг и дружинников, но и много приглашенных гостей. Посреди нее возвышается "отень стол" - почетное место князя. Кровля гридницы покоится на огромных, толстых столбах.

Не менее традиционным для княжеского двора был рубленный из дерева терем - высокая башня со специальными горенками (комнатками) для женщин. Гридница и терем чрезвычайно характерны для зодчества времен Киевской Руси. Почти в каждой былине воспеваются "гридницы светлые" и "терема златоверхие". Внутри гридницы - большие открытые очаги, позднее смененные печами.

Довольно рано на смену гриднице приходят сени. Они составляли второй этаж княжеского дворца и представляли собой огромный зал, помещавшийся между клетями. Заменяя древнейшую одноэтажную гридницу, сени становятся местом собраний и пиров. Здесь, в сенях, стоял и княжеский престол. К сеням вел вход - лестница. По сторонам сени (или сенница) опирались на клетки первого этажа, а посередине - на столбы.

Вдоль стен сеней стояли тяжелые, широкие лавки, покрытые парчой и мехами, а перед лавками - длинные столы, за которыми обедали и пировали. На стенах висели доспехи и оружие, а на полках была расставлена посуда: чаши и корцы, ковши и крины, кубки, и рога, ложки и мисы.

Княжеский дворец - "хоромы" - представлял собой совокупность отдельных зданий. Избы и клетки стояли отдельными группами, связанными друг с другом переходами и сенцами.

Кроме хором, на княжеском дворе стояли различные хозяйственные постройки: погреба, медовуши (погреб, где хранился вареный мед), бретьяницы (погреб для хранения бортяного меда) и бани.

Двор княжеский был окружен тыном. На дворе творился суд, собирались сходы, сходилась дружина, устраивались игры и забавы.

Такие же дворы и хоромы имели бояре. Те же дома в два этажа, внизу - кладовые и клетки, наверху - сени на высоких столбах. К ним ведет лестница. Светлицы и горницы, терема, частокол двора, тяжелые ворота довершали сходство жилища боярина с княжеским дворцом. Избы, клетки, погреба и бани занимали двор.

Совсем иначе выглядели жилища киевской "простой чади". Это были бревенчатые избы или полуземлянки, крытые соломой или камышом.

Полуземлянка вырезывалась в материковом грунте. Стены ее облицовывались деревом или обмазывались глиной. Размеры полуземлянки были очень невелики и не превышали 35-40 квадратных аршин. Из земли вырезались ступеньки и лежанки для сиденья и спанья.

Наземная часть полуземлянки, на которой покоилась двухскатная или односкатная крыша, делалась из плетня и обмазывалась глиной. Внутри полуземлянки находилась глинобитная печь или очаг, расположенный прямо на земле или на небольшом возвышении.

Наряду с землянками существовали наземные, срубные жилища "простой чади". Основным их элементом была "клеть", т. е. сруб. Срубное наземное жилище нередко состояло из нескольких частей. Одну часть его составляла клеть с печью. Она служила зимним помещением и называлась "истобкой", "избой". Вторая часть, соединенная с первой "сенями", называлась "клетью", и представляла собой летнее жилое помещение ("одрина", "ложница"), служившее и кладовой. Строили такие избы чаще всего без пилы, топором, соединяя бревна "в обло", реже "в лапу". Сруб ставили или непосредственно на землю, или на камни, пни (отражением чего в фольклоре является сказочная изба на "курьих ножках"). Пол был либо земляным, либо деревянным настилом из толстых досок на лагах. Топились и полуземлянки и срубные избы "по-черному". Освещалось жилье простых людей через маленькие волоковые "оконца", "заволакивавшиеся" (задвигавшиеся) доской. Слюда и стекла, в том числе и цветные, встречались лишь в домах знати, дворцах, храмах. Вместо свечей, факелов и светильников в бедных домах горела лучина, укрепленная в светце-подставке. Убранство жилищ "простой чади" составляли деревянные столы и скамьи.

Так рядом с блестящими и пышными церквями и дворцами теснились землянки "простой чади", где ютилась всякого- рода городская беднота: ремесленники, наймиты, холопы и пр.

Имущественное и социальное неравенство жителей Киева находило выражение и во внешнем облике киевлян.

На Горе, как называлась нагорная часть Киева, где жила феодальная знать, по улицам расхаживали богатые бояре в парчовых и шелковых кафтанах, плащах с золотыми застежками, в сафьяновых сапогах, прошитых бронзовой проволокой, в собольих шапках, в шубах на куньем меху с бобровым воротником. В нижней части города, на Подоле, где жила беднота - кузнецы и швецы, плотники и гончары, ходили в широких портах, подпоясанных ремешком рубашках - косоворотках, сапогах или лаптях, овчинных кожухах и долгополых суконных кафтанах.

Стоявший на важнейшей торговой водной магистрали, ведущей из Балтийского в Черное море, на пути "из варяг в греки", город быстро рос. "Соперник Константинополя", "лучшее украшение Востока Европы", как называли его современники, Киев поражал иноземцев своими размерами, богатством, великолепием, многолюдностью.

Киевские купцы бывали в Константинополе (Царьграде) и Скандинавии, в Польше и Чехии, Болгарии и Венгрии, Германии и Хазарии. В свою очередь в Киеве можно было встретить шведов и норвежцев, датчан и немцев, венгров и болгар, евреев и армян, чехов и поляков.

Естественно, что растущее имущественное и социальное неравенство, развитие кабальных сделок, рост эксплуатации обостряли классовые противоречия и это не могло не вызвать вспышки народного гнева. Поводом к восстанию в Киеве послужило поражение князей, нанесенное им кочевниками-половцами.

В сентябре 1068 г. войска трех старших сыновей Ярослава Мудрого - Изяслава, Святослава и Всеволода - были разбиты половцами на реке Альте. Изяслав бежал к себе в Киев. Сюда же, в Киев, сбежались киевляне ("людьє кыевстии прибегаша Кыеву") и собрались на вечевой сход на Торгу. Они отправили посланцев к Изяславу и, указав на то, что в результате поражения его дружины половцы рыщут по всей земле, потребовали от него оружия и коней, заявляя, что они сами будут продолжать борьбу с половцами.

Кто были эти киевляне - "людьє кыевстии"? Это не могли быть ни киевская боярская знать, ни воины киевского "полка" (городского ополчения), ни тем более княжеские дружинники, так как и те, и другие, и третьи не нуждались ни в оружии, ни в конях.

Нельзя также предположить, что под киевлянами "Повести временных лет" следует подразумевать участников битвы на берегах Альты, потерявших в бою с половцами и все

свое военное снаряжение и коней. Пешком и безоружными они не могли бы уйти от быstroногих половецких коней, от половецкой сабли и стрелы. Таких безоружных и безлошадных воинов половцы либо изрубили бы своими саблями, либо связанными угнали в плен в свои кочевья.

Прибежали в Киев жители окрестных сел, спасавшиеся от половцев. Они-то и принесли в Киев весть о том, что половцы рассыпались по всей Киевской земле, жгут, убивают, грабят, уводят в плен. Их-то и имеет в виду "Повесть временных лет", говорящая о киевлянах, бежавших от половцев в Киев.

Встревожились и жители Киева - "кияне", "простая чадь": опасность угрожала самому Киеву. А князь был бессилён предотвратить ее.

У "простой чади" Киева, так же, как и у беглецов из соседних городов и сел, не было ни оружия, ни коней. Так нашли общий язык трудовой люд Киева и спасавшиеся от половцев жители окрестных сел. Они-то и требовали от князя оружия и коней. Но Изяслав "не послушал" и отказал: он боялся дать оружие в руки простого народа. Половцы еще только "росулись по земли", они не угрожали ни Изяславу, ни его боярам и пока еще не представляли опасности для их домов, дворов и вотчин. А вот киевляне были тут же, под боком. Они уже начали обвинять, "корить" воеводу Коснячко, уже отправились с Торговища, где собиралось вече, в аристократическую часть города, на "Гору", уже шумели на дворе у воеводы Коснячко, разыскивая хозяина далеко не с добрыми намерениями.

Изяслав еще раньше испытал на себе недовольство простого люда городов и сел. Его "старый конюх" был убит дорогобущами, считавшими, очевидно, своими луга и выпасы, которые Изяслав объявил княжеской собственностью. Он знал, что княжой суд является источником его дохода и причиной оскудения и разорения "простой чади". Не случайно перед рассказом о восстании 1068 г. в "Повести временных лет" мы встречаем поучение, направленное против тех, кто лишает наемного работника заработанного, кто обижает сирот и вдов, пользуясь их бедственным положением, кто прибегает к неправому суду, притесняет беззащитных. Совершенно очевидно, что это поучение отражает то, что было в реальной жизни.

Перед самым восстанием имело место какое-то столкновение между киевлянами и Изяславом, и какие-то киевляне по княжескому приказу были заключены в темницу ("поруб"). И когда восставшие, не найдя нигде воеводу Коснячко, отправились дальше и остановились у двора Брючислава, отца полоцкого князя Всеслава, решая вопрос о том, что им делать, кто-то предложил освободить заключенных в темницу киевлян. Половина восставших отправилась к "порубу" освобождать заключенных ("дружину свою"), другая половина пришла на княжеский двор. Изяслав в это время в сенях держал совет со своей дружиной.

Пришедшие к княжескому двору восставшие остановились внизу и начали спорить с князем. В открытое "оконце" князь смотрел на собравшихся внизу киевлян, не зная, что предпринять. Рядом с князем стояли его дружинники. Один из них по имени Туки, брат видного и влиятельного киевского боярина Чудина, обратился к князю, указав на то, что расшумевшиеся киевляне могут освободить находящегося в заключении в Киеве полоцкого князя Всеслава и советовал постеречь Всеслава. В это время подошли и те восставшие, которые ходили освобождать из темницы заключенных. Выполнив свое намерение, они явились во двор Изяслава и присоединились к стоявшей здесь "простой чади". Тогда княжеские дружинники потребовали от Изяслава решительных действий. Они указывали на серьезность положения и советовали убить Всеслава. Изяслав не послушался. В это время восставшие киевляне направились к темнице, где сидел Всеслав, и освободили его. Изяслав бежал со двора, а через некоторое время ушел в Польшу.

Восставшие разгромили княжеский двор и захватили бесчисленное множество золота, серебра (денег и слитков). Из других источников, а именно "Летописца Новгородским церквам" и "Печерского Патерика", известно, что в 1068 г., очевидно, во время восстания, в Киеве был убит своими холопами новгородский епископ Стефан и что какие-то "разбойники", в которых отнюдь нельзя усматривать просто грабителей с большой дороги, пытались овладеть ценностями, хранившимися на хорах монастыря, и перебить монахов.

Так закончился памятный летописцу день 15 сентября 1068 г.

Но как русское крестьянство во времена Болотникова, Разина и Пугачева не представляло себе образа правления без царя, так и "простая чадь" городов и сел древней Руси не представляла себе жизни без князя. Все дело, с их точки зрения, заключалось в том, чтобы выбрать "хорошего" князя. Таким "хорошим" князем казался мятежным киевлянам полоцкий князь Всеслав.

Князь Всеслав Брючиславич был, несомненно, выдающимся политическим деятелем той далекой поры. По преданию, записанному летописцем, он родился "от волхования", слыл чародеем, умевшим оборачиваться и рыскать волком, как воспел его позднее автор "Слова о полку Игореве". Всеслав был храбр, а превратности судьбы заставили его не чуждаться социальной демагогии, использовать в своих целях "простую чадь", заигрывать с родовой религией. Но, как покажут дальнейшие события, хотя Всеслав запомнился народу как выдающийся князь, хотя посадили его на престол в Киеве восставшие киевляне, тем не менее мятежная "простая чадь" была ему социально чуждой.

Через семь месяцев на Русь возвратился бежавший в Польшу Изяслав, а с ним вместе пришел польский король Болеслав со своим войском. Киевские рати вышли навстречу им к Белгороду, но Всеслав, не желая сражаться за чужой ему Киев и за простой киевский люд, ночью бежал к себе в свой родной Полоцк. Оставленные князем киевляне вернулись в Киев. И опять в Киеве собирается вече, которое направляет посланцев к братьям Изяслава - Святополку и Всеволоду. Посланцы говорят этим князьям, что если они не явятся оборонять Киев и отдадут его "ляхам" Болеслава и Изяслава, то киевляне "ступят" (переселятся) в Греческую землю.

Конечно, переселиться в Греческую землю могли не простые люди. Переселиться туда могли только "гости", торговавшие с Византией, те купцы, кто бывал в Царьграде, так называемые "гречники", кто со всякого рода "товаром" (медом, воском и др.) и челядью ездил по великому водному пути "из варяг в греки".

Но почему же "гости" так боялись Изяслава? Ведь они же не "простая чадь", которая разграбила двор князя, разделила его "злато и серебро, куны и бель" и, наверное, расправилась не с одним "княжим мужем". Разве им грозила месть Изяслава, разве они принимали участие в сентябрьском восстании, разве они сажали на киевский стол Всеслава? Да, оказывается "гости", торговавшие с Царьградом, принимали активное участие в киевских событиях 1068 г.

С тех пор как Ярослав Мудрый в грозной битве при Сетомле (1036 г.) разгромил кочевников-печенегов, путь "из варяг в греки" стал безопасным. Уж никто не поджидал у порогов каравана русских послов и купцов, как во времена хозяйничанья в степях печенегов, когда меткая стрела и острая сабля печенега могли каждую секунду прервать жизнь "храброго русича". Спокойно плыли вниз по Днепру русские однодеревки, груженные до верха мехами, медом и воском, и так же спокойно по осени поднимались вверх по течению Днепра, везя в Киев дорогие ткани, украшения, вина, фрукты. А если и появлялась где-либо на горизонте фигура всадника, "гости" были спокойны, так как знали, что малочисленные, слабые, мирные торки чаще всего выступали в роли не врагов, а союзников, даже вассалов русских князей.

Битва на Альте все изменила. Половцы не только "росулися по земле", они вышли к берегам Днепра, перерезав важнейшую торговую артерию. Теперь "торг" по пути "из варяг в греки" зависел от половцев. Мирные отношения с ними - это дело еще далекого будущего. А

пока что половец - страшный враг, сильный, неустрашимый и неуловимый. Как же плыть теперь в Царьград, как вести торг с Византией? Князь оказался не в состоянии "боронить" великий водный путь, связывавший Киев с Царьградом. Вот почему в сентябрьские дни 1068 г. вместе с "простой чадью" кричали на вече на Торговище и "гости", вот почему они освободили из заключения ("высекли из поруба") и "дружину свою" и Всеслава. Вот почему они грозились князьям: "ступим в Гречьску землю".

"Гости"-то могли покинуть Киев, которому угрожала жестокая месть, а куда, в какой обетованный край пошел бы простой люд? Ему только и оставалось готовиться к борьбе или с отчаяния зажечь "град".

Опасаясь этого, Святослав и Всеволод заступились перед Изяславом за мятежный Киев: "Не води ляхов Киеву", - заявили они Изяславу.

Изяслав не послушался братьев. Вместе с польским королем Болеславом, взяв с собой часть польского войска, он двинулся к Киеву. Впереди шел со своим отрядом его сын - Мстислав. Мстислав первым вошел в город и тут же нарушил слово, данное отцом, обещавшим не трогать киевлян. Он перебил 70 жителей Киева, участвовавших в освобождении Всеслава из темницы. Множество киевлян было казнено, ослеплено.

Эта жестокая расправа сделала свое дело: народ был терроризирован, и 2 мая Изяслав спокойно въехал в Киев. Став снова киевским князем, он принимает меры против опасных для него вечевых сходов. Прежде всего он "взгна торг на Гору". Это означало, что отныне вечевые сходы должны были протекать под неусыпным надзором князя и его "мужей".

Но киевский люд продолжал волноваться. Почувствовав свою силу, "простая чадь" еще долго не могла успокоиться и не сгибала спины перед своим "ворогом" (врагом). А "ворогом" "людьа" окрестных земель был не только Изяслав и его "мужи" - это был социальный враг; "ворогами" были и приглашенные Изяславом поляки.

Болеслав чувствовал себя в Киеве хозяином. Польский летописец Мартин Галл рассказывает о том, что Болеслав, не сходя с коня, поцеловал Изяслава и потряс его за бороду в знак того, что русский князь становится его вассалом. За этот поцелуй Изяслав, по польскому преданию, должен был заплатить столько марок золота, сколько было шагов от польского лагеря до места встречи. Чувствовали себя хозяевами и польские воины. Изяслав и Болеслав распустили польское войско по городам и селам киевской земли на покорм.

Начались грабежи и произвол в "весьах (селах) и городах". Почти десятилетнее хозяйничанье поляков в Киевской земле (поляки зазимовали на Руси) не могло пройти для них безнаказанно. Люди поднялись. Это не было открытое восстание: народ "избиваху ляхы отай", т. е. тайно, сообщает наша летопись. Но это избиение поляков "отай", в котором нетрудно усмотреть выступление народных масс против иноземных захватчиков, приняло такой широкий и массовый характер, что Болеслав поспешно возвратился в Польшу.

Почему же движение киевлян не приняло характера открытого восстания? По-видимому, потому, что наиболее активные элементы из "простой чади", которые могли возглавить движение, были перебиты Мстиславом при его вступлении в Киев. Народное движение, начавшееся 15 сентября 1068 г., уже приходило к концу. Тем не менее даже в этот момент киевский люд, обескровленный террором своих князей, придерживавшихся "ляшской" ориентации, нашел в себе достаточно сил и мужества для того, чтобы "малой" народной войной, тайным истреблением ненавистных захватчиков вынудить их покинуть Русь.

Следует отметить также и то обстоятельство, что застрельщиками борьбы с чужеземцами были народные массы, "людьа", "простая чадь".

Каковы же были последствия киевского восстания 1068 г.?

М. Н. Тихомиров справедливо полагает, что события 1068-1071 гг., т. е. восстания смердов, датированные "Повестью временных лет" 1071 г., и Киевское восстание 1068 г., объясняют нам появление нового, более современного феодального законодательства - "Правды Ярославичей".

2 мая 1072 г. в Вышгороде, под Киевом, по случаю перенесения мощей причисленных к

лику святых князей Бориса и Глеба съехались три старших Ярославича - Изяслав, Святослав и Всеволод, их "мужи", виднейшие бояре: вышгородец Чудин Микула и киевляне Коснячко, Микифор и Перенег. Результатом их совместной деятельности явилась так называемая Правда Ярославичей ("Правда уставлена Руськой земли").

Восстания смердов и киевские события 60-х годов XI в. показали, что феодальная собственность князей и бояр и сама система организации княжеской власти могут оказаться под ударом. Нужно было принять меры, чтобы и собственность и власть феодалов были ограждены от посягательств со стороны народных масс. ЭТУ задачу и должна была выполнить "Правда Ярославичей".

Она устанавливала высокие виры за убийство огнищан и конюхов, тиунов и кормильцев, сельских и ратайных старост. Ограждая княжескую собственность, она назначала столь же высокие штрафы за "княжь конь" и за вола, за "княже борти" и ладью, жестоко карала тех, кто перепашет межу, срубит межевое дерево или затешет знак на дереве. "Правда Ярославичей" предписывала карать смертью на месте преступления того, кто убьет княжеских слуг, огнищанина или тиуна, защищающих княжеский скот, коней, клеть. Заботясь о своей княжой собственности, Ярославичи не забывали и своих "мужей", они устанавливали столь же высокие виры и за боярских огнищан, тиунов и старост ("такое же и за боярск").

Строгие наказания за покушение на феодальную собственность, на слуг и людей феодалов, установленные "Правдой Ярославичей", явились и средством предупреждения народных движений, имевших место в годы обострения социальных противоречий. "Правда Ярославичей" отражает победу социальных верхов над трудящимися массами.

Глава четвертая. Киевское восстание 1113 года

Классовые противоречия нарастали. Дань, поборы во время полюдя, судебные штрафы, служившие одним из важнейших источников обогащения феодалов, все больше и больше уступали место барщине и оброку, кабале, феодальной эксплуатации.

Со слов Яна Вышатича, составитель "Начального летописного свода" 1093-1095 гг. монах Киево-Печерского монастыря Иван записал о том, как изменилось под конец жизни поведение князя Всеволода Ярославича, который окружил себя младшими дружинниками, слугами ("юными"), помогавшими ему в управлении не только княжеством, но в первую очередь его княжеским феодальным хозяйством. С ними он советовался, к их голосу прислушивался. Эти же дружинники начали "грабить и продавать людей", "и люди не могли добиться суда княжего" ("Повесть временных лет", ч. 1, стр. 142, 343).

В Новгородской I летописи, использовавшей Начальный Свод монаха Ивана, мы читаем обращение к русским людям, "стаду Христову". Обращение противопоставляет старых ("древних") князей и их дружинников новым князьям, новым дружинникам, и сравнение это не в пользу последних. "Древние" князья и их "мужи" не были жадны. Они защищали Русскую землю и подчиняли себе другие Земли, жили за счет дани с населения покоренных земель и военной добычи. Не было тогда несправедливых поборов, а то, что князья собирали по справедливости, они давали своим дружинникам на оружие. Жены прежних князей не требовали для себя золотых украшений, а довольствовались серебряными.

Дело другое - новые князья и их дружинники. Они обогащаются за счет населения уже не чужих, покоренных земель, а самой Руси. Дружинники требовательны, жадны. Жены их ходят в золоте. На Руси царит неправда, народ страдает от тяжелых, несправедливых поборов.

Летописец, конечно, идеализирует "древних князей" и их якобы бескорыстную дружину. Но, тем не менее, в его словах много правды. Он правильно подметил и расценил происходившие на его глазах во второй половине XI в. перемены в деятельности князей и

дружинников. Конец XI - начало XII в. характеризуются необычайным ростом ростовщичества. В тяжелое кабальное положение попали не только неимущие слои города и деревни, но даже те купцы, которые были вынуждены прибегать к займам.

Богатый купец, ссудивший деньгами и товарами менее состоятельного купца, фактически становился полновластным хозяином своего должника и в случае неплатежеспособности последнего мог распоряжаться его имуществом и им самим независимо от того, чем вызвана эта неплатежеспособность: злым ли умыслом несостоятельного должника или бедственным положением, в котором он очутился по не зависящим от него обстоятельствам.

Процент на взятую ссуду был чудовищно высок, и нередко должник ежегодно выплачивал своему кредитору в виде процента половину взятой в долг суммы. Причем, видимо, проценты взымались и тогда, когда должник внесенными в виде процентов деньгами давно уже погасил сумму, данную ему в долг.

Еще хуже было положение закупов, среди которых особо выделялись так называемые ролейные закупы, т. е. закупы, работавшие на пашне ("ролье") своего заимодавца.

Как уже говорилось, закупы фактически навечно теряли независимость, так как, не имея права зарабатывать на стороне ("искать кун"), все время работали во дворе, в доме или на запашке ("ролейные" закупы) господина, отработывая этим только проценты по ссуде. Господин мог и продать закупа (в холопы), и бить его "без вины", и всячески "переобидеть", в частности мог увеличить произвольно "кupu" (сумму, взятую в долг) под видом материальной ответственности закупа за испорченный или пропавший, хотя бы и не по его вине, инвентарь. Не случайно в русском переводе проповеди Григория Богослова, датированном концом XI в., греческое слово, обозначающее "полураб", переведено русским словом "закуп". Закабаленные люди искали выхода из создавшегося положения: должники требовали установления более льготных условий - уменьшения "реза", закупы - права "искать кун". Немало "ролейных" закупов в поисках "куна", т. е. заработка, тайно от господ находилось в Киеве.

Развитие ростовщичества в Киевской Руси на грани XI и XII столетий нашло отражение в ряде источников той поры. Митрополит Никифор, обращаясь к Владимиру Всеволодовичу Мономаху, подчеркивает рост лихоимства и ростовщичества. В этой же связи находится и характеристика Патериком Киево-Печерского монастыря киевского князя Святополка Изяславича.

Жадный, корыстолюбивый, жестокий Святополк отнимал землю, прибегал к пыткам для того, чтобы выведать о спрятанных ценностях, поощрял спекулянтов солью и хлебом, наживавшихся во время войн и голодовок, сам принимал участие в ростовщических сделках. Имя князя Святополка стало ненавистным простым людям. Жестокими наказаниями Святополк сумел предупредить выступление народных масс Киевской земли при своей жизни. Но когда он умер, то весть о его смерти послужила сигналом к крупнейшему в истории древней Руси восстанию, вспыхнувшему в Киеве в апреле 1113 г.

Святополк умер 16 апреля. Его вдова пыталась предотвратить надвигавшиеся события раздачей милостыни, но было поздно: восстание началось.

Ипатьевская летопись, сохранившая рассказ об этих событиях, сообщает о наличии в Киеве в те бурные дни двух группировок жителей. Одни "кияне" бушуют на улицах и площадях Киева, а другие, напуганные их действиями, принимают меры, для того, чтобы погасить огонь восстания. Первые - это простой люд Киева и его окрестностей, а вторые - это киевская знать, в первую очередь богатые и именитые бояре. Эти "большой и нарочитии мужи", как называет их "Сборник XII века Московского Успенского Собора", сейчас же после смерти Святополка собрались на совет и решили пригласить в Киев на княжеский престол переяславльского князя Владимира Всеволодовича, будущего Мономаха.

Почему же "совет" киевской знати остановил свой выбор именно на Владимире Мономахе, отец которого, Всеволод, был не очень популярен в Киеве? Очевидно, это объясняется качествами этого князя как политического деятеля и его популярностью в

народе.

В годы "браней Олеговых", т. е. княжеских усобиц конца XI в., Мономах выдвинул киевлян в качестве третейских судей в споре между ним и Олегом Святославичем. Этим он вызвал естественные симпатии киевлян и способствовал укреплению своего авторитета среди них. Олег же больно ударил по самолюбию киевских "людий градьских", заявив, что он не позволит ("несть мене лепо"), чтобы его судили какие-то "смерды". Мономах был известен среди народа как князь, пытавшийся на Любечском съезде князей положить конец разорительной княжой усобице ("каторе"). Он был популярен и как организатор успешной борьбы со страшным "ворогом" - половцами и как князь, который не давал "пакости десяти отрокам ни своим, ни чюжим, ни в селах, ни в житех".

Вот почему "больший и нарочитии мужи" киевские считали Мономаха единственным, кто мог успокоить "мятеж и гълкоу (смятение) в людех" в тот момент, когда уже ничто, казалось бы, не могло "утишить" "въетань", т. е. народное восстание.

Но Мономах не принял предложения "больших и нарочитых мужей" занять Киевский стол. Отказ Мономаха не трудно понять, если вспомнить, что именно по его инициативе с целью прекращения княжеских усобиц в 1097 г. в Любече был созван съезд князей, согласно решению которого каждый из князей должен был владеть тем княжеством, в котором княжил отец, и не претендовать на чужие владения.

Киев не был "отчиной" Владимира Мономаха, и хотя киевский престол одно время занимал его отец, Всеволод Ярославич, но по завещанию Ярослава Мудрого стольный город Руси принадлежал другому его сыну, Изяславу, сын, которого Святополк своими действиями и вызвал восстание. Явиться в Киев княжить для Мономаха означало поправить решение Любечского съезда, гласившее: "каждый владеет отчиной своей". Этим и объясняется его отказ от предложения занять киевский престол.

Тем временем восстание в Киеве разрасталось. Восставшие киевляне разгромили двор тысяцкого Путяты, двинулись дальше и разграбили дворы сотских и евреев-ростовщиков. Тогда киевские "большие и нарочитые мужи" вторично послали гонцов к Мономаху. Ему указывали на всю серьезность положения, сложившегося в Киеве, говорили, что его отказ приведет к разгрому и разграблению дворов не только тысяцкого Путяты, сотских и ростовщиков, но также и дворов вдовствующей княгини Ятрови (жены двоюродного брата Мономаха), бояр и монастырей. Посланцы укоряли Мономаха и грозили ему ответственностью за разграбление монастырей.

Мономах учел всю серьезность положения. В Киеве полыхало пламя грандиозного антифеодального восстания "простой чади". В начале оно было направлено против наиболее ненавистных носителей зла, против тех, кто олицетворял кабалу, притеснения, гнет и произвол, всей тяжестью обрушившиеся на плечи киевлян. Ими были в первую очередь тысяцкий Путята и сотские, т. е. бояре, возглавлявшие княжескую городскую администрацию, творившие суд и расправу, облагавшие поборами, измышлявшие всякого рода "творимые" штрафы, подчинявшие себе и угнетавшие работный, ремесленный и мелкий торговый люд Киева.

Таковыми же непосредственными носителями зла для народа были ростовщики, ссужавшие нуждающихся из числа "простой чади" деньгами под чудовищно высокий процент, разного рода спекулянты, грабившие народ, которым покровительствовал Святополк Изяславич.

Но затем восстание стало принимать характер, опасный для всех категорий господствующей феодальной верхушки - для князей, бояр, монастырей. Оно оказалось направленным против всей феодальной системы эксплуатации, феодальных форм господства и подчинения. Речь шла об угрозе всему феодальному миру Киевской земли.

Это обстоятельство побудило Мономаха согласиться принять киевский княжеский престол. Он явился в Киев и, как говорит летопись, "прекратил мятеж и смятение в людях" ("Ипатьевская летопись", ПСРЛ, т. II, стр. 272). Такой быстрый успех надо отнести на счет тонкой социальной политики Владимира Мономаха - этого действительно выдающегося

государственного деятеля древней Руси.

Мономах умел использовать авторитет, который он приобрел в народе благодаря своим успешным войнам с половцами, стремлению прекратить бесконечные разорительные и опустошительные межкняжеские усобицы. Он умело играл на вечевых традициях, дорогих сердцу простых людей, выдвинув их в роли арбитров в княжеских спорах, сдерживал алчность дружинников, контролировал деятельность своих "мужей", управлявших и княжеством и его собственным хозяйством. Умный, деятельный и храбрый, Владимир Мономах снискал большую популярность в народе. И теперь, в трудную для феодалов Киева минуту, он прибегнул к политике уступок.

Видимо, еще до своего приезда в Киев, Мономах созвал важное совещание в селе Берестовом, под Киевом. Это было совещание богатых и влиятельных, близких к князю бояр. На нем присутствовали тысяцкие: киевский Ратибор, белгородский Прокопий, переяславльский Станислав, как люди, ближе всего стоявшие к народу, судившие простых людей и собиравшие с них разные поборы. Присутствовали и княжеские "мужи" Нажир и Мирослав, а также боярин двоюродного брата Мономаха, новгород-северского князя Олега Святославича ("Олега Гореславича", как называет его "Слово о полку Игореве").

Результатом этого совещания явился "Устав" Владимира Мономаха. "Устав" ограничивал ростовщичество. Грабительские проценты были отменены. Кто давал деньги из 50 процентов и уже три раза получал проценты ("рез"), тот уже не имел права требовать сумму, данную им должнику. Впредь такой процент считался незаконным. Устанавливался новый порядок, по которому законным считался процент в размере не выше 10 кун на гривну.

Трудно определить действительную величину этого процента, так как количество кун в гривне менялось: в XI в. гривна состояла из 25 кун, а в XII столетии - из 50. Не зная, какую именно гривну имеет в виду "Устав" Мономаха, мы не можем сказать с уверенностью, идет ли и нем речь о 20 или 40 процентах. Если предположить, что гривна в 50 кун существовала уже в самом начале XII в., то, следовательно, "Устав" Владимира Мономаха ограничивал "рост" двадцатью процентами. Это было известное облегчение положения людей, вынужденных прибегать к займу.

Изменялось и положение мелкого купца-должника. В случае, если он не мог расплатиться со своим займодавцем, надо было выяснить, чем объясняется его неплатежеспособность. Если он сам был в ней повинен, "Устав" отдавал его на волю кредитора, но если причиной ее были стихийные бедствия или несчастье, то займодавец должен был терпеливо ждать, когда его пострадавший должник ежегодными взносами расплатится с ним.

Эти статьи "Устава" Мономаха в первую очередь облегчали положение городских должников, в частности тех, кто торговал, купив товары на деньги, взятые в долг (на "чужие куны"). Вторая часть "Устава" посвящалась закупам, положение которых изменялось в лучшую сторону. Закуп получил право уходить (очевидно, в свободное от работы на господина время) на сторону с целью заработка, который дал бы ему возможность выплатить господину долг ("купу") и вновь вернуться в прежнее состояние, в котором он был до того, как стал закупом,

"Устав" Владимира Мономаха предоставил за купу также право обращаться к князю и его "мужам" с жалобой на господина, и отлучка закупа в этом случае не только не превращала его в холопа, как раньше, но за купу нужно было "дать правду", т. е. справедливо рассудить его спор с господином.

Закуп уже нельзя было бить не "про дело", т. е. без вины, нельзя было продать в холопы ("обель"), как ранее. Более того, в "Уставе" указывалось, что если все же господин попытается это сделать, то сама эта попытка освобождает закупа от каких бы то ни было обязательств по отношению к господину. Закуп получал право распоряжаться своей собственностью; устанавливался порядок ответственности закупа за скот и инвентарь господина.

Господин не имел права по своему усмотрению повысить сумму долга закупа. Наконец, по делам не особенно большой важности закуп получил право выступать на суде в качестве свидетеля.

Народное восстание в Киеве в 1113 году. С картины И. С. Ижакевича

Как мы видим, народное восстание в Киеве в 1113 году не было вовсе безуспешным. Оно принудило господствующий класс создать законодательство, до некоторой степени облегчавшее положение народных масс.

Пусть многие статьи "Устава" в отношении закупов и не применялись на практике, ибо власть и богатство, суд и военная организация оставались в руках феодалов, что давало им возможность превращать любое законодательство в орудие борьбы с народными массами. Все же надо признать, что "Устав" Мономаха был первой известной нам из источников уступкой, вырванной у феодалов трудовым людом древней Руси в процессе ожесточенной классовой борьбы.

"Устав" Владимира Мономаха говорит еще и о другом, а именно о размахе восстания 1113 г., о его участниках. То обстоятельство, что "Устав" явился результатом совещания, созванного Мономахом еще до того, как он вступил в Киев и занял княжеский престол, свидетельствует о силе народного движения, о страхе, который испытывали перед ним феодалы.

Об этом свидетельствует и тот факт, что в Берестове собрались виднейшие княжеские "мужи" не только Киева, но и Белгорода (Киевского), и Переяславля (Южного, или Русского, ныне Переяславля-Хмельницкого), и Новгорода-Северского, где княжил Олег Святославич. Из этого следует, что волнение народных масс охватило обширную область и угрожало феодальным верхам всего Среднего Приднепровья.

Своими статьями, касающимися положения закупов, "Устав" говорит, что последние были одной из главных движущих сил восстания. В грозные дни апреля 1113 г. закупы поднялись против своих господ, против оберегавших их княжеских "мужей". В восстании 1113 г. приняли участие закупы самого Киева, закупы окрестных сел и городов Киевской земли и, в частности, те из них, которые тайно, рискуя навеки превратиться в холопов, "искали кун", т. е. Зарботка в Киеве. И последних, по-видимому, было немало.

Если Владимир Мономах смог уже 20 апреля вступить в Киев, то это можно объяснить тем, что к этому времени весть о новом "Уставе" уже дошла до мятежных киевлян. Трудно себе представить, чем кончились бы "мятеж и смятение" в Киеве, если бы не был выработан "Устав". Силу уступок, не лишенных значительной доли социальной демагогии, Мономах предпочел силе меча.

Все приведенное говорит о том, что восстание 1113 г. в Киеве как по размаху, так и по своим последствиям было наиболее значительным проявлением классовой борьбы в древней Руси в начальный период ее феодальной раздробленности.

Глава пятая. Народные движение в среднем Приднепровье и в Суздальской земле в XII веке

Восстанием 1113 г. классовая борьба в Киевской земле в период феодальной раздробленности древнерусского государства не закончилась. "Устав" Мономаха не в силах был упразднить причины, порождавшие классовую борьбу, и конец первой половины XII столетия ознаменовался новым взрывом социальных противоречий.

И на этот раз речь идет о движении "киян", т. е. в первую очередь "простой чади" Киева. О нем мы узнаем в связи с рассказами летописцев об опустошительных усобицах

между "Мономашичами" - потомками Владимира Мономаха и его сына Мстислава - и "Ольговичами" - потомками Олега Святославича, князя новгород-северского. В этой борьбе, следуя заветам своих дедов, Мономашичи старались опереться на ремесленников и купцов, а Ольговичи на киевскую боярскую зпать и высшее духовенство, на монастыри.

На первом этапе борьба двух княжеских линий завершилась победой Ольговичей, и в 1138 г. в Киеве начал княжить Всеволод Ольгович, рассматривавший Киев вопреки решениям Любечского съезда как свою "отчину", которую он хотел передать по наследству брату своему Игорю.

Времена княжения Всеволода Ольговича в Киеве ознаменовались необузданным грабежом киевлян "княжими мужами" - тиунами. Летописец вкладывает в уста киевлян упрек, брошенный ими князю: "Ратша нам погубил Киев, а Тудор - Вышгород". Нет сомнения в том, что в данном случае имеются в виду именно киевский и вышгородский тиуны Всеволода Ольговича - Ратша и Тудор.

Волнения киевлян начались тотчас же после смерти Всеволода Ольговича, наступившей 1 августа 1146 г.

Город разделился на два лагеря. Брат умершего князя - Игорь Ольгович созвал киевлян на Гору, на Ярославов двор, где они "целовали крест", т. е. присягнули князю. Но большинство киевлян не было удовлетворено таким исходом дела. Они не могли примириться с тем, что Всеволод передал Киев брату по наследству. "Не хотим быть, как в наследстве", - заявляли киевляне. Это выступление киевлян, их взгляд на порядок престолонаследия свидетельствуют о стремлении жителей стольного города Руси решать все важнейшие дела на вечевых сходах.

Они считали, что вопрос о новом князе не может решаться без их участия, без созыва веча. Только вечевой сход может дать согласие на передачу киевского престола тому или иному князю, и уж кому-кому, а непопулярным в Киеве Ольговичам, опиравшимся на бояр и духовенство и с их помощью оказавшимся вершителями судеб Киева, не пристало рассматривать Киев как "отчину", которой они могут распоряжаться по своему усмотрению.

Недовольные киевляне - а недовольные составляли большинство мужского населения Киева - сейчас же собрались на вече у Туровой божницы, стоявшей вдали от Ярославова двора, на том самом Подоле, где бушевала "простая чадь" в 1068 г., память о чем была еще жива.

Игорь с братом своим Святославом во главе дружины направились к Туровой божнице. Игорь стал с дружиной в отдалении, а Святослав подъехал к киевлянам. Киевляне потребовали отстранения княжеских тиунов - Ратшу и Тудора, которых они обвиняли в разграблении Киева и Вышгорода, потребовали также, чтобы князь сам вершил суд и чтобы оба Ольговича принесли им, "киянам", присягу на кресте. Святослав исполнил требование киевлян. Сойдя с коня, он целовал крест за себя и за брата, и обещал киевлянам, что теперь и тиун будет "по их воле" и не будет им от князя "никакого насилья". После этого Святослав вместе с "лучшими мужами" из киевлян возвратился к брату, которому сказал, что он принес присягу киевлянам на условии отстранения ненавистных народу тиунов, восстановлении суда самого князя и создания "уроков", т. е. правил, которыми впредь должны будут руководствоваться тиуны. Игорь повторил церемонию присяги киевлянам: "целовал крест по всей их воле".

Но киевляне не успокоились. Они кинулись на двор тиуна Ратши, на дворы "княжих мужей" - мечников и разгромили их.

События в Киеве в 1146 г. говорят о возросшем значении киевлян - ремесленников и торговцев - в политической жизни Киевской земли. Большую роль начинают играть вечевые сходы "киян". Как равные с равными, договариваются киевляне с князьями, и князья "целуют крест", т. е. приносят присягу горожанам. Сам акт присяги происходит в торжественной и напряженной обстановке вечевого схода.

Роль веча в Киеве еще более усилилась после того, как 13 августа 1146 г. на киевское княжение вступил внук Мономаха Изяслав Мстиславич.

Киевляне охотно поддержали его в борьбе с ненавистными Ольговичами. Они вместе с сельским людом окрестных земель обрушились на сторонников последних. Дома и дворы дружинников и слуг Ольговичей были разграблены, имущество и скот захвачены. Пострадали и монастыри, поддерживавшие Ольговичей. После этих событий вече приобрело еще большее значение. Оно помогало князьям или отказывало им в поддержке. Так, например, киевское вече отказалось откликнуться на призыв Изяслава Мстиславича к киевлянам идти походом на другого Мономашича - Юрия Долгорукого. Киевляне заявили: "не можем на Владимирово племя руки поднять".

Так, описывая княжеские распри и войны, летописец невольно раскрывает нам картину могучих социальных движений, которые едва не сделали Киев таким же вечевым городом, какими стали Новгород и его "младший брат" - Псков.

Конечно, не следует полагать, что в этих событиях Мономашичами руководили симпатии к народным массам, а Ольговичами - к феодальной верхушке. И те, и другие были феодалами. Но одни, памятуя успех и популярность деда - Владимира Мономаха, искали сочувствия и поддержки у киевлян и добивались этого некоторыми уступками и социальной демагогией, умело играя на авторитете Мономаха, а другие продолжали грубую политику насилия и пренебрежения к массам, и только грозные августовские события 1146 г. заставили их считаться с "киями". И среди сторонников Мономаха были представители духовенства и боярства, недобрым словом поминавшие "простую чадь", восставшую в 1068 г., и посаженного ею на престол в Киеве князя Всеслава. И сами Мономашичи не раз своими действиями вызывали справедливый гнев трудового люда.

В частности, это проявилось в день смерти Юрия Долгорукого, на которого за десять лет до этого киевляне отказались поднять руку. Киевский великий князь Юрий Долгорукий умер в Киеве 15 мая 1157 г. Как уже не раз бывало, смерть князя послужила поводом к восстанию в Киеве. Восставшие разгромили дворы Юрия и его сына Василька, расположенные в городе, и двор князя за Днепром. Летопись сообщает, что всюду по городам и селам Киевской земли избивали "суздальцев" и захватывали их имущество ("товар их грабаче") ("Летопись по Ипатьевскому списку", стр. 336). В этих "суздальцах" следует усматривать дружинников Юрия Долгорукого, приведенных им из Суздальской земли, получивших из рук князя земли в Поднепровье и пользовавшихся частью получаемых им от населения доходов. Естественно, что эти "суздальцы", не очень уверенные в завтрашнем дне, стремились, как участники и дольщики в княжеских доходах, сколь возможно, обобрать обитателей своих вотчин, изобретая для этого всякие "неправые виры" и "продажи". Это не могло не вызвать недовольства населения, и, когда умер Юрий Долгорукий, народ расправился с ними, разделив накопленное ими имущество.

Как мы видим, угнетенные и обобранные князем и его слугами народные массы после смерти князя всегда расправляются с его "мужами" - посадниками, тысяцкими, тиунами и прочими помощниками и соучастниками князя по произволу и грабежу. Так было не раз до этого, так не один раз случалось и после этого.

Выступление сельского люда имело место и во время убийства в 1175 г. в Боголюбове, под Владимиром, боярами Кучковичами князя Андрея Боголюбского, сына Юрия Долгорукого. Из рассказа летописи мы узнаем, что дом княжий разграбили "горожане Боголюбские и дворяне", забрав "злато и серебро, порты (одежды) и паволоки (парчу)". Летописец сообщает, что когда дворяне и горожане начали делить княжое имущество, то весть об этом дошла до окрестных сел и "грабители же и из сел приходяче грабяху".

Что же это были за "грабители", пришедшие в город Боголюбов из сел?

Прежде всего, нас не должен смущать термин "грабители". "Ворами" и "разбойниками" для господствующего класса феодалов, для царского правительства были и Степан Разин и Емельян Пугачев. "Злодеями" и "преступниками" в официальных документах именуются декабристы и народовольцы, жертвовавшие своею жизнью для блага народа.

В "грабителях", явившихся в Боголюбов из соседних сел, нельзя не признать смердов, принявших участие в движении горожан и дворян Боголюбова. Выступление боголюбцев

явилось толчком к восстанию смердов по всей Суздальской земле.

Ряд летописей: Лаврентьевская, Ипатьевская, Воскресенская, Тверская и др. - сообщают, что много "зла" произошло в "волости" (княжестве) убитого Андрея Боголюбского. Посадников и тиунов, детских и мечников, т. е. княжеских слуг, взимавших поборы и штрафы, творивших суд и расправу, управлявших и вотчинами князя и самим княжеством, перебили, дома их разгромили, имущество захватили (ПСРЛ, т. I, стр. 157; ПСРЛ, т. II, стр. 114-115; ПСРЛ, т. VII, стр. 90; ПСРЛ, т. XV, стр. 252).

Нет никакого сомнения в том, что в данном случае мы читаем рассказ о движении сельского люда и горожан в "волости" Андрея, где действовала его княжеская и вотчинная администрация - все эти посадники и тиуны, детские и мечники. Движение охватило всю землю ("волость"), а не один Боголюбов, и ограблению подвергся не один княжеский дом в Боголюбове, но и "дома" его многочисленных приближенных.

"Велик мятеж бысть в земли той и велика беда, и множество паде голов" ("Новгородская I летопись", ПСРЛ, т. III, стр. 16), - сообщает Новгородская летопись.

Перед нами широкое движение смердов, вызванное тяготами княжеского управления, чрезмерными поборами с сельского и городского люда. Летописец по-своему объясняет причины восстания, как бы обвиняя восставших в непонимании того, что тяготы эти естественны и неизбежны: "не ведуще глаголемого: гдеже закон, тут и обид много" ("Новгородская I летопись", ПСРЛ, т. III, стр. 115).

"Обид много" было потому, что "виры и продажи", и при этом "неправые", всякие поборы и повинности разоряли сельский люд, и "княжой закон" для смердов превращался в свою противоположность, в "беззаконие", творимое "княжими мужами".

Вот почему смерть князя Андрея Боголюбского, убитого боярами, тяготившимися княжеской властью и стремившимися вернуть свою полупатриархальную независимость времен "старых князей", послужила поводом к восстанию сельского и городского люда по всей "волости". Восставшие мстили за "обиды" и истребляли их конкретных носителей - "княжих мужей".

В событиях 1175 г. следует видеть движение, в котором принимали участие смерды, пострадавшие от "обид", т. е. от феодального гнета. В силу данного обстоятельства события 1175 г. в Суздальской земле нельзя не считать одним из звеньев в цепи первых крестьянских восстаний на Руси.

Глава шестая. Восстания в Новгороде в XII-XIII веках

У истоков Волхова, там, где могучая, полноводная река вытекает из Ильменского озера, на обеих ее берегах раскинулся Господин Великий Новгород, второй по величине город древней Руси. Волхов делит город на две части, на две стороны. На левом берегу, на Софийской стороне, высятся стены Новгородского Кремля - Детинца и сверкают позолотой купола Софийского собора - соперника Киевской Софии.

На правом берегу лежит Торговая сторона с Ярославовым дворищем, выются улицы Плотницкого и Славенского концов (районов). По ту сторону Волхова, на Софийской стороне, раскинулись Гончарский, Загороский и Неревский концы.

Величественные соборы Юрьева и Антониева монастырей, собор Николы на Дворище, церковь Спаса-Нередицы близ Новгорода украшают город. Высокого развития достигло новгородское ремесло. Плотники и гончары, кузнецы и ювелиры, оружейники и кожевники, швецы (портные) и бондари составляют большинство населения Новгорода. Не случайно два конца города носят названия Плотницкого и Гончарского, не случайно киевляне дразнят новгородцев "плотниками". Изделия новгородских ремесленников, найденные археологами и хранящиеся в музеях, свидетельствуют о высоком развитии ремесла.

Новгород стоял на пути "из варяг в греки" - важнейшем торговом пути древней Руси. По Волхову плыли, причаливая к пристаням, многочисленные "заморские" суда. Плавали

новгородцы на принадлежавший шведам остров Готланд и в Швецию, в Любек и Данию, приставали к берегам Финляндии, направлялись в города прибалтийских поморских славян и в сказочный город Леденец (Линданису) в земле чуди (эстов). А в Новгороде постоянными гостями были купцы - скандинавы, немцы, греки, камские болгары и другие, не говоря уже о гостях из разных земель, областей и княжеств Руси.

В Новгороде стоял Готский двор, где жили купцы, приезжавшие из Готланда. Потом появился и Немецкий двор - немецких, ганзейских купцов. И если большинство городского населения составляли "меньшие", "мизинные люди", т. е. ремесленники, работные люди, мелкие торговцы, то торг и ремесло в Новгороде фактически держали в своих руках богатые купцы вроде Сотко Сытинича, известного нам из новгородских былин под именем Садко, "богатого гостя новгородского".

Настоящими же хозяевами Новгорода были богатые и знатные, новгородские бояре. В самом Новгороде они владели огромными дворами-усадьбами, заселенными разного рода челядью; им принадлежали земли, пашни, угодья, луга, "ловы" в необъятных землях Новгородских, простиравшихся от Чудского озера до Северного Урала, до земли Югры (хантов и манси), от Бежецка до далекой Тре (Мурмана). Сюда, в эти земли, где только появлялись первые русские поселенцы, новгородские бояре посылали на свой счет, на свой страх и риск ватаги "удалых молодцов" - ушкуйников, которые, где охотясь, где торгуя с местными жителями, а чаще всего просто облагая их данью, добывали ценную пушнину, моржовую и мамонтовую кость.

Новгородское боярство занималось ростовщицеством, торговало, в этом отношении сближаясь с купечеством. В свою очередь купцы приобретали земли, обзаводились усадьбами ("житьи люди").

Как и на юге, в Приднепровье, на бояр и житейх людей трудились холопы, смерды, разного рода кабальные люди (изорники, половники), хотя здесь, на севере и северо-западе Руси, свободных смердов было больше, чем на юге. Крупными феодалами-землевладельцами были в новгородской земле и монастыри. На землях Новгорода стояли его "пригороды", т. е. города земли Новгородской - Ладога (ныне Старая Ладога), древнейший русский город на севере, "младший брат" Новгорода Псков, Изборск и др. Но главную роль в политической жизни русского Севера играл сам Новгород.

Многочисленный, со сложной социальной структурой, с многочисленными классовыми группировками, Новгород являл собой картину постоянной классовой борьбы.

Новгородцы тяготились своей зависимостью от Киева и в процессе борьбы с киевскими князьями добились установления в Новгороде вечевого строя с весьма ограниченной княжеской властью. Новгород стал феодальной республикой, в которой господствовала боярская аристократия. Это была вечевая республика, причем на вече принимали участие все свободные люди - как новгородцы, так и жители "пригородов", т. е. городов Новгородской земли. Вече мог созвать кто угодно: князь, посадник, любой новгородец. Обычно по зову вечевого колокола вече собиралось на "Ярославле дворе" (Торговая сторона).

На особом помосте - "степени" - сидели правители Новгорода: посадник, тысяцкий и другие высшие должностные лица. Существовали вече уличанские (но улицам) и кончанские (по "концам" - районам), на которых часто те или иные вопросы обсуждались предварительно, и жители улицы или конца приходили на общее вече уже с определенным мнением, которое и пытались здесь провести. На вече обсуждались все важные дела: выбирались и смещались должностные лица, решались вопросы о войне или заключении мира, о приглашении того или иного князя, утверждался "ряд" (договор) с ним и т. д. Голосования не было: дела решались в зависимости от того, за какое предложение стоит большинство. Нередко вече раскалывалось, и дело доходило до кровавых столкновений, а бывало и так, что одновременно собирались два вече - на Софийской и на Торговой стороне, и спор между ними решался схваткой на мосту через Волхов.

Буржуазные историки считали вече выражением "народоправства", т. е. действительного участия народа в управлении Новгородской республикой. Но на самом деле

"худые мужики", "черные люди" не играли на вече существенной роли. За них решали и правили все дела бояре, часто использовавшие в своих целях отдельные группы простого новгородского люда. М. И. Калинин указывал: "Вспомните хотя бы древнюю русскую историю и Новгородское вече. С внешней стороны это была самая чистая демократия: ведь народ решал на площади коренные вопросы, и его решения проводились в жизнь". Но мы, говорил он далее, "великолепно знаем, что в Новгородском вече, в народном собрании Новгорода, по существу все важнейшие вопросы решали деньги. Богачи располагали физической силой, располагали "добрыми молодцами", которые, приходя на вече, кричали громче всех, а подчас и кулаки в ход пускали. Историкам известно, что в этом "золотом веке" вопросы очень часто решались кулаками. Новгородское вече, конечно, не было подлинным народовластием" (М. И. Калинин, О задачах советской интеллигенции, М., 1939, стр. 24).

И частая смена новгородских посадников и тысяцких, о которой сообщают новгородские летописи, выдавая эту смену за результат "мятежей" и восстаний, на самом деле отражала лишь борьбу внутри боярско-купеческой олигархии. Когда же доведенные до отчаяния простые новгородцы - "мизинные" люди предъявляли свои права и выдвигали свои требования, то, как правило, на вече они не могли найти удовлетворения, и тогда начиналось восстание.

Вся власть в Новгороде находилась в руках боярской олигархии. Новгородский князь уже с конца XII в. был ограничен во всем. Он не имел права покупать земли, иметь вассалов и зависимых людей на территории Новгорода, не мог судить без посадника, был ограничен даже в охоте и рыбной ловле. Он даже не жил в Новгороде; резиденцией князя было пригородное Городище. Но, несмотря на эти ограничения, князья все же шли в Новгород, так как связь с ним приносила выгоду купцам их княжеств и, кроме того, богатый город все же давал князьям некоторые доходы. Новгороду же князь был нужен для защиты от врагов, для обеспечения торговли новгородцев с "Низом" и снабжения хлебом.

Подлинным правителем Новгорода был посадник, ведавший всеми сторонами его политической жизни. Помощником посадника был тысяцкий, ведавший ополчением и торговым судом. Кроме того, существовала "вечевая изба", возглавлявшаяся вечевым дьяком, и мелкая администрация: подвойские, биричи, пристава и т. д. Большую роль, подчас решающую, играл новгородский "владыка" (архиепископ). Концами ведали особые кончанские старосты, улицами - старосты уличанские; во главе сотен, куда входили купцы, стояли сотские. Вся новгородская администрация, таким образом, была выборной, но выбиралась она из числа богатых бояр. Несколько десятков боярских фамилий держали в своих руках всю власть. Из их среды выходили посадники, тысяцкие и вся высшая администрация.

Таким образом, ничего демократического в политическом строе Новгорода не было. Бояре наживались и богатели за счет своих смердов, холопов, половников, за счет грабежа северных народов, в земли которых устремлялись отряды боярских ушкуйников, за счет торговли и ростовщичества. Обогащались они и за счет доходов от занятия должностей ("поралье посадниче" и тысяцкого), в результате незаконных поборов и т. п. Окруженные многочисленной челядью - слугами, "молодцами", "паробками", бояре держали в руках и новгородский "черный люд" и смердов. Поэтому в Новгороде все время шла острая классовая борьба, бушевавшая там с исключительной силой.

И все же вечевой строй в Новгороде давал возможность "мизинным", "меньшим людям" вести классовую борьбу с "большими", "вячими", "лучшими", т. е. с боярством и крупным купечеством - "гостями", в несколько лучших условиях, чем в других землях и княжествах Руси. Это объясняется в значительной мере тем, что сам этот вечевой строй явился результатом классовой борьбы. Советские историки - Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров и другие связывают установление вечевого строя в Новгороде с событиями, происходившими там в 1118-1136 гг.

В ходе этих событий, на бурных вечевых сходах устанавливался порядок избрания посадников и епископов самими новгородцами; в ходе этих же событий купеческие и

ремесленные объединения, возглавляемые сотскими и старостами, освободились из-под контроля епископа, а князь был ограничен в своих правах.

Отзвуком этих событий явились не только записи в новгородских летописях, но и новгородские былины о Ставре Годиновиче, в котором следует усматривать новгородского сотского Ставра, вызванного Мономахом в 1118 г. в Киев и заключенного там в темницу.

В процессе бурных новгородских событий купеческая верхушка, объединенная в "Ивановское сто", т. е. в организацию вокруг церкви Ивана на Опоках, освободилась от опеки со стороны князя и епископа и получила право торгового суда, контроля над мерами (длины, веса и пр.), сношений с иноземными купцами и т. д.

Особенно острый характер социальная борьба в Новгороде приобрела в 1136 г., когда из Новгорода был изгнан князь Всеволод Мстиславич. Решение об изгнании Всеволода было принято новгородцами на вечевом сходе, созванном при участии ладожан и псковичей. Вечевой сход предъявил Всеволоду ряд обвинений, в частности в том, что он не заботится о смердах, "не блюдет смерд".

За то, что это обвинение Всеволода в пренебрежении к интересам смердов исходило от самих смердов, косвенным образом говорит старинное предание, согласно которому Смердьи Ворота в Пскове не хотели пропустить гроб с телом Всеволода. Об участии смердов в новгородских событиях 1136 г. свидетельствует также "Устав" Святослава Ольговича, приглашенного в Новгород после изгнания Всеволода. Этот "Устав", датируемый 1137 г., говорит об известном регулировании поступающих в пользу церкви и князя поборов со смердов новгородских земель.

1136 г. обычно считают годом утверждения вечевого строя в Новгороде. В ходе событий 1118-1136 гг. Новгород сложился в вечевую боярскую олигархическую республику с избираемыми на вечевых сходах посадниками и тысяцкими, с приглашаемыми, ограниченными в своих правах, князьями, с боярской аристократией и т. п. Естественно, что, хотя в установлении вечевого строя в Новгороде, в ходе борьбы с князьями и их "мужами", огромную роль сыграли "меньшие", "мизинные люди" Новгорода и "пригородов" - Ладоги и Пскова, а также смерды новгородских земель, тем не менее, порядки, установившиеся в феодальной олигархической вечевой республике не только не устраняли причин классовой борьбы, а, наоборот, обуславливали ее обострение.

В 1161 г. новгородцы ("люди") выступили против князя Святослава Ростиславича. Князь был заключен в "избу", княгиня сослана в монастырь, дружина князя закована, а имущество его и дружинников разграблено. По свидетельству В. Н. Татищева, располагавшего не дошедшими до нас летописями, и в этих событиях принимали участие смерды (вину за изгнание Святослава новгородские послы возлагают "на смердь") (См. Ж. Н. Тихомиров, Крестьянские и городские восстания на Руси XI-XIII вв., М., 1955, стр. 198).

Большое значение в истории Новгорода имело восстание 1209 г., в котором также, видимо, принимали участие смерды (М. Г. Бережков относит данные события в Новгороде к 1207 г. См. его статью: "О хронологии русских летописей". - "Исторические записки", т. 23). Поводом к восстанию послужило негодование, которое вызвал у новгородцев посадник Дмитрий Мирошкинич, тесно связанный с приглашенным в Новгород суздальским князем Всеволодом Большое Гнездо. Новгородцы созвали вече на "Дмитра и на братью его". Дмитра Мирошкинича и "братью" его обвиняли в том, что они велели брать с новгородцев серебро, собирать "по волости" (т. е. по землям новгородским) со смердов кур, установили повозную повинность и обложили купцов "дикой вирой", т. е. обязали их платить штраф за найденное мертвое тело вместе с членами общины, на территории которой оно было обнаружено.

Вече переросло в восстание. Дворы Дмитра Мирошкинича и его отца - Мирошки Нездича были разгромлены, имущество захвачено, села, челядь и сокровища конфискованы и распроданы, деньги от распродажи были распределены между новгородцами по 3 гривны на человека, вексели ("доски") отданы в казну князю ("Новгородская I летопись", ПСРЛ, т. III, стр. 30).

Как видно, часть обвинений была предъявлена Дмитру Мирошкиничу недовольным его

социальной политикой новгородским купечеством; другая же часть (увеличение числа кур, собираемых "по волости", повозная повинность, взимание какого-то чрезвычайного побора - "серебра") исходила от новгородцев-горожан и от жителей новгородской "волости", т. е. смердов.

Видимо, с восстанием в Новгороде в 1209 г. связано создание так называемой пространной редакции "Русской Правды" (См. М. Н. Тихомиров, Крестьянские и городские восстания на Руси XI-XIII вв., стр. 244).

Долго не утихает классовая борьба в Новгороде. В 1228 г. произошло выступление ремесленников против архиепископа Арсения, в результате которого огромное хозяйство Софийского собора ("Дома святой Софы") оказалось под их управлением. Все чаще и чаще новгородцы требовали от своих князей, чтобы они правили "на всех грамотах Ярослава" (Мудрого). Все чаще и чаще предъявляется князьям требование возродить "уставы старых князей", "судей по волостям не посылать", признавать "всю волю" новгородцев.

Классовая борьба не утихает не только в городе, но и в "волости", т. е. по селам новгородских земель. Князья с трудом удерживают новгородский престол, вынужденные считаться с тем, что новгородцы "вольны" в своих князьях.

Этим объясняются, в частности, действия князя Михаила Черниговского. Начав княжить в Новгороде в 1225 г., он вынужден был пойти на уступки новгородскому сельскому люду и облегчить его положение. "Бысть легко по волости Новгороду", - сообщает Новгородская летопись, говоря о княжении Михаила. В 1229 г., вторично вокняжившись в Новгороде, он дал так называемую Смердью грамоту. Эта грамота до нас не дошла, и о ее содержании мы узнаем из Новгородской летописи. Михаил Черниговский освободил от уплаты поборов на пять лет всех смердов, которые бежали в другие земли, те же смерды, которые оставались на своих местах, должны были платить не высокие дани, установленные незадолго до этого, возможно, во время Дмитра Мирошкинича, а более низкие, взимавшиеся при "передних", т. е. при старых князьях ("Новгородская I летопись", ПСРЛ, т. III, стр. 44, 45).

Льготы смердам во время Михаила Черниговского, бегство их в "чужие земли" при Дмитре Мирошкиниче указывают на участие смердов в классовой борьбе новгородцев-горожан в начале XIII века. К концу 30-х годов XIII столетия "меньшие", "черные люди" Новгорода добились известных успехов. Роль их в политической жизни Новгорода возросла. Но успех этот был кратковременным. Страшное Батыево нашествие и нависшее после него над Русью иго Золотой Орды подорвали политическое значение горожан.

Глава седьмая. Классовая борьба в Галицко-Волынском княжестве в XII-XIII веках

На юго-западе Руси раскинулись земли Галицко-Волынского княжества, так называемой Червоной Руси. Быстрые горные реки: Черемош и Латорица, Тисса и Попрад, широкие, спокойные Буг, Днестр, Прут, высокие, поросшие лесом Карпаты, степи Заднепровья, лесистые Кодры, равнины Закарпатья, дунайские гирла, побережье Черного моря, дремучие леса Волынского Полесья - древний край восточнославянских племен уличей и тиверцев, дулебов (волынян) и белых хорватов.

Здесь стоят старинные русские города: Червень и Галич, Владимир и Перемышль, Звенигород и Теревовль, населенные ремесленным и торговым людом, проходят старинные водные пути, соединяющие Черное море с Балтийским, сухопутные дороги, ведущие из Киева в Прагу, Регенбург, Раффелыптеттен. Это край богатого и влиятельного боярства, привыкшего смотреть на "Червенские города", на Прикарпатье, Понизье, на "горную страну Перемышальскую" как на собственную землю, где лишь формально существует верховная власть князя.

Против боярской аристократии, имевшей свои многочисленные дружины, замки, огромные земельные владения, и поднимались в ожесточенной классовой борьбе народные массы Червоной Руси.

В Ипатьевской летописи под 1144 г. встречается первое упоминание о крупном восстании горожан в Галиче. Князем галицким в то время был Володимирко Володаревич, восстановивший против себя галичан тем, что неумело вел войну и пригласил в помощь себе венгров. Войска его противника - киевского князя Всеволода Ольговича искусно охватывали галицкое войско с двух сторон и подходили к Галичу. Володимирко оказался не в состоянии справиться с всеволодовой ратью. Галичане открыто роптали: "...мы еде стоимы, а там ("онамо") жены наша возмутъ" ("Летопись по Ипатьевскому списку", стр. 226). Глухое недовольство галичан князем вылилось зимой того же года в восстание.

Воспользовавшись отсутствием Володимирка, уехавшего, очевидно, со всем своим двором и частью дружины "на ловы" (охоту) к Тисменнице, галичане пригласили к себе на княжий стол звенигородского князя Ивана Ростиславича. "...Послашася Галичане по Ивана по Ростиславича в Звенигород и въведоша к себе в Галичь", - сообщает летопись ("Летопись по Ипатьевскому списку", стр. 226). Узнав о происшедшем, Володимирко собрал дружину и поспешил к Галичу. Восставшим горожанам, конечно, нечего было ждать пощады от Володимирка. Горожане энергично оборонялись, отстаивая город и своего нового князя, приглашенного ими, по-видимому, по договору ("ряду"). Есть все основания предполагать, что послы из Галича заставили Ивана Ростиславича "целовать себе крест" и заключить "ряд", предусматривающий какие-то обязательства князя по отношению к горожанам. В отличие от Володаря, отца Володимирка, весьма скептически относившегося и к "крестному целованию" и, следовательно, к своим обязательствам, Иван Ростиславич вынужден был соблюдать условия "ряда", и уж хотя бы по этому одному галичане должны были отстаивать своего ставленника.

Три недели горожане Галича энергично оборонялись. Однажды ночью, на четвертую неделю обороны Галича, отряд галичан во главе с Иваном Ростиславичем предпринял вылазку из города. Отчаянно бились галичане, но вылазка закончилась неудачей. Вернуться обратно отряд галичан не смог, а Иван Ростиславич, покинув поле сражения, ушел на Дунай, где оставался некоторое время, а затем степью отправился в Киев к Всеволоду Ольговичу. Бегство Ивана Ростиславича и гибель отряда, предпринявшего вылазку, не смутили галичан. Они еще целую неделю бились с дружиной Володимирка и только в результате энергичных атак Володимирко принудил их к сдаче. Войдя в город, дружинники убили без всякого суда многих галичан; других же "казнью злою" казнил князь.

Восстание в Галиче в 1144 г. - это было восстание горожан, стремившихся отделаться от непопулярного и деспотичного князя и пригласить на "стол" другого, связанного определенным договором, "рядом", и обязанного, по-видимому, править, прислушиваясь к голосу горожан, купечества в первую очередь.

Разбитые в бою и терроризированные расправой Володимирка, горожане на время отказались от борьбы. Как мы увидим, они лишь выжидали удобного случая, чтобы выступить снова. Интересно отметить, что и поднятое позднее второе восстание горожан связано было с звенигородскими Ростиславичами; на этот раз на престол пригласили сына Ивана - Ростислава. Это можно объяснить тем, что как отец, так и сын стремились достичь своей цели - галицкого "стола", опираясь на народные массы и умело играя на их ненависти к тем, кто для них, Ивана Ростиславича и Ростислава, был, конечно, не классовым врагом, как для горожан, а просто соперником и конкурентом.

Очутившись после вылазки из Галича на Дунае, Иван Ростиславич не сразу отправился к Всеволоду в Киев.

В XI-XII вв. на Нижнем Дунае было еще многочисленное русское население, связанное с остальной Русью, прежде всего с Галицкой, хотя связи эти и не были прочными.

В те времена низовья Дуная, Прута и Днестра носили название Берлады. Здесь стоял город Берладь (современный Бирлат в Румынии), центр Берлады, Берладской земли,

население которой получило название берладников. Это было смешанное по этническому своему составу, но в основе своей русское население, занимавшееся земледелием, охотой, рыбной ловлей, промыслами, часто выходившее для торговли и набегов на своих челнах в море. Полуоседлые земледельцы и промысловики, постоянно готовые дать отпор напавшему врагу - половцам, болгарам, волохам, византийцам - и поэтому опытные воины, берладники были своеобразной "вольницей", населявшей и охранявшей юго-западные окраины древней Руси. Берладники, как и аналогичные им бродники, населявшие степи от Северного Кавказа и Подонья до Балкан и Трансильвании, выбирали своих старшин (старейшин), носивших у бродников название "старост" и "воевод".

Берладники и бродники были храбрыми, вольнолюбивыми людьми. Не случайно византийцы прозвали их "презирающие смерть". "Ветвь русских", как еще называли их византийские источники, они в большей части состояли из тех, кто не мог примириться с феодальными порядками и уходил в степи, в дунайское Понижье, на окраины, где власть князей и бояр почти не ощущалась. Поэтому с давних пор русское население в Причерноморье греки называли "дромитами", т. е. беглецами.

Берладники и бродники были своего рода предшественниками казачества, такой же русской вольницей, как рязанские, донские, запорожские, волжские, терские казаки в XV-XVI вв. В те времена выражение "идти в Берладь" означало примерно то же, что на Украине времен владычества литовско-польских панов - "идти в Сечь", а в России времен московских государей - "идти на Дон".

Вот здесь, в Берладской земле, и остался на некоторое время Иван Ростиславич. За это говорит то, что, когда он в 1146 г. появился в Приднепровье, он уже носил прозвище "Берладник".

Естественно, что среди берладников Иван Ростиславич выступает скорее не как полновластный государь, а как предводитель, ограниченный в своих правах традиционными порядками этой "вольницы". Очевидно, такое положение не могло удовлетворить честолюбивого князя, и он вскоре уходит в Киев.

Политическая биография Ивана Ростиславича за это время очень красочна. Он выступает союзником Святослава Ольговича, служа ему как наемный воин и получая от него 12 гривен золота и 200 гривен серебра ("Летопись по Ипатьевскому списку", стр. 234, 237). Затем Берладник изменяет Святославу и переходит на сторону Ростислава Смоленского ("Летопись по Ипатьевскому списку", стр. 239). На некоторое время Иван Ростиславич сходит с политической арены: закованный в кандалы Юрием Долгоруким, он сидел в заключении в Суздале. В 1157 г. Юрий Долгорукий собирался перевести его в Киев и выдать своему зятю - галицкому князю Ярославу Осмомыслу. Видно, опасный претендент на княжий стол, воинственный и популярный в народных массах, Иван Ростиславич не давал покоя Осмомыслу. Ивана Берладника повезли на юг. Галицкий князь отправил к тестю за Берладником целую дружину во главе с князем Святополком и Кснятином Серославичем. Участь Берладника была, казалось, решена. Но митрополит и игумены предостерегли Юрия от нарушения его крестного целования Ивану Ростиславичу (по какому поводу оно было дано, летописец не сообщает); они упрекнули Долгорукого в том, что он не только не верен своей клятве, но и издевается над своим пленником ("держиши в толице нужи") и хочет "выдати на убийство". Под давлением духовенства Юрий вынужден был отказаться от своего плана, и Берладник в оковах снова был отправлен в Суздаль. По дороге в Суздаль дружинники черниговского князя Изяслава Давидовича отбивают Ивана Ростиславича и уводят его в Чернигов. Изяславу Давидовичу Берладник был нужен как пугало и орудие в его руках в борьбе против усиливающегося галицкого князя ("Летопись по Ипатьевскому списку", стр. 335. См. также Н. В. Молчановский, Очерк известий о Подольской земле, Киев, 1886, стр. 78-81).

Галицкий князь Ярослав Осмомысл учел новую опасность и в 1159 г. потребовал у Изяслава Давидовича выдачи Берладника. Следует отметить, что судьба Берладника интересовала не одного Ярослава Осмомысла. Прежде чем начинать действовать, галицкий

князь заручился поддержкой венгерского короля, русских и польских князей, обещавших помощь ему в борьбе с Берладником. К Изяславу Давидовичу, занявшему в это время киевский княжеский престол, требовать выдачи Ивана Ростиславича явились послы не только Ярослава Осмомысла, но и короля венгерского, польских князей, чернигово-северских князей - Святослава Ольговича и Святослава Всеволодовича, смоленского князя Ростислава Мстиславича, владимир-волынского Мстислава Изяславича, луцкого князя Ярослава Изяславича и князя дорогобужского Владимира Андреевича. Изяслав Давидович вынужден был уступить: хотя он и не выдал Берладника, но, очевидно, отказал ему в поддержке, и тот должен был уйти в степи к половцам ("Летопись по Ипатьевскому списку", стр. 341). Что же вызвало создание такого внушительного блока против князя Ивана Ростиславича? Чем опасен был Берладник для столь многих князей и венгерского короля? Прежде всего, тем, что в его лице они видели возможного претендента на их княжеский и королевский престол, ставленника горожан, берладников и прочей "простой чади". Его приглашение в Галич восставшими горожанами, его связи с берладской "вольницей", какие-то деяния в Приднепровье и Поволжье, приведшие к тому, что Юрий Долгорукий заковал и заточил его, - все это в совокупности делало Берладника очень опасным для князей. Не случайно не только русские князья, но и король венгерский и польские князья так единодушно откликнулись на призыв Ярослава Осмомысла. Речь шла не об обычном конкуренте - князе, а о таком сопернике, который был популярен в народных массах и который вдобавок умел пользоваться этой популярностью, опираясь в борьбе с врагами на сочувствие горожан, берладников и, как мы увидим далее, смердов, привлекая их на свою сторону уступчивостью (вполне естественной для князя, приглашенного по "ряду"), совместной борьбой против общих врагов и т. д. Поэтому-то так энергично действовал галицкий князь Ярослав Осмомысл. Он знал, что горожане, берладники, смерды имели достаточно причин для того, чтобы при первом удобном случае поднять восстание. Возглавить его, действуя в своих целях и добиваясь галицкого княжеского стола, мог Берладник.

Не следует, конечно, думать, что Иван Ростиславич стоял на страже интересов народных масс и выступал для облегчения их положения. Оставаясь князем, феодалом, он преследовал свои личные цели, и, как бы ни были своеобразны его положение и образ действия, назвать его народным вождем нельзя. Но, выступая против Ярослава, рассчитывая на поддержку масс, он, естественно, стремился к приобретению авторитета среди простого народа и сумел его добиться. Для того чтобы не дать возможности Берладнику возглавить новое восстание, Ярослав пытается расправиться с ним и, как мы видели, неудачно.

В степях Берладнику удастся заручиться поддержкой половцев, и вместе со своими новыми союзниками он отправляется в "города подунайские", к берладникам, среди которых не замедлило вспыхнуть восстание.

Обосновавшись в подунайских городах, Иван Ростиславич закрыл судоходство по Дунаю и захватил два корабля с товарами. Скоро вокруг него скопилось около шести тысяч восставших берладников. Возглавляемые Иваном Ростиславичем, они двинулись к городу Кучелмину. Горожане, как сообщает летопись, "рады быша" им и немедленно перешли на их сторону. От Кучелмина берладники, по-видимому, с присоединившимися к ним воинами из числа кучелминских горожан и с половцами направились к Ушице. "Засада" (дружина) Ярослава Осмомысла вынуждена была укрыться в городе и приступить к его обороне.

Видимо, дружинники Ярослава при приближении берладников заставили и окрестных смердов покинуть села и уйти в Ушицу. Но симпатии смердов были на стороне берладников; в них они видели союзников, вольная жизнь которых казалась им образцом социального порядка.

Летопись сообщает, что смерды начали перелезать через стены осажденной Ушицы и перебегать на сторону берладников. Таких ушицких смердов в стане берладников скоро скопилось триста человек. Таким образом, восстание против Ярослава и его бояр и дружины, начатое берладниками, охватывает горожан, а затем и смердов.

Так как Ярославова "засада" энергично обороняла город, то половцы, находившиеся в стане Ивана Ростиславича, предложили взять его приступом. Они рассчитывали по своему обыкновению предать город разграблению, а население его увести в плен. При этом, конечно, пострадали бы горожане и смерды, укрывшиеся в Ушице. Это не входило в расчеты Берладника, который не желал восстанавливать против себя горожан и смердов. Поэтому он не послушался половцев, и тогда, "разгневавшись, половцы отъехала от Ивана".

Меж тем князья Ярослав, Мстислав и Владимир Андреевич в ответ на выступление Берладника готовили поход на его покровителя - Изяслава Давидовича. Последний, начав готовиться к отпору, отозвал Берладника в Киев.

Очевидно, Иван Ростиславич не мог ослушаться Изяслава: он покинул подунайские города и возвратился в Киев. Это обстоятельство еще раз подчеркивает, что он лишь использовал народные движения, которые ставили себе совсем иные задачи. Берладники, горожане, смерды выступали против феодальной системы, установленной галицким боярством и князем; князь Иван Ростиславич - против князя Ярослава. Лишь на время сходились их пути. Поэтому так легко расстался Иван Ростиславич с поддерживавшими его народными низами.

Галичане, правда, по-прежнему тяготели к Берладнику. Так, например, когда Изяслав Давидович в том же, 1159 г. двинулся с войском против Ярослава с целью посадить на галицкий престол Ивана Ростиславича, галичане послали к Берладнику гонцов, заявляя, что, как только он подойдет к Галичу, они выступят против Ярослава Осмомысла.

Очевидно, галичане продолжали борьбу со своим князем и ждали только удобного случая, чтобы повторить события 1144 г. Но поход Изяслава был неудачен, и горожанам не удалось "отступить" от Ярослава.

Начатое в 1159 г. движение берладников не улеглось. Вольница берладников на лодях вышла в море и взяла Олешье (современный Цюрупинск). Этот налет берладников, напоминающий черноморские походы казаков, был ликвидирован лишь в 1160 г., когда киевские воеводы Юрий Нестерович и Якун в лодях ("в насадах") по Днепру спустились до Олешья, отбили город у берладников и преследовали их до Дичина, где многих перебили или взяли в плен.

Вряд ли закончилось этим походом берладников народное движение в Галицкой земле, поднявшееся в 1159 г., но летописи о дальнейших событиях молчат.

Опасен был еще и Берладник. Под 1162 г. летопись сообщает о его смерти в Солуни, в Византии, добавляя, что многие говорят об его отравлении. По своей ли воле Берладник оказался в Солуни, был ли он схвачен и отправлен в Византию кем-либо из князей, скорее всего Ярославом, - неизвестно.

Византия, конечно, с удовольствием принимала таких изгнанников, как Берладник, ибо они всегда могли служить в ее руках орудием в борьбе с теми же русскими князьями. С уверенностью можно сказать лишь одно, что сообщение летописи об отравлении Ивана Ростиславича выглядит очень правдоподобным. При этом едва ли не главный враг Берладника - Ярослав Осмомысл был виновником его насильственной смерти.

Второе выступление горожан Галича летопись приурочивает к 1189 г. и связывает с именем Ростислава Ивановича, сына Берладника. Окрепшее и усилившееся к тому времени галицкое боярство после смерти Ярослава Осмомысла начало усобицу и изгнало его сына - Владимира Ярославича. Этим воспользовался венгерский король Бела.

В результате открытой интервенции венгров, поддержанной многими галицкими боярами, на престоле в Галиче сел венгерский королевич Андрей. Княживший одно время в Галиче по приглашению галичан, не желавших переходить на сторону венгров, князь волынский Роман Мстиславич оказался не в состоянии противиться войскам Белы и бежал. Венгры хозяйничали в Галицкой земле, а для того, чтобы бояре не вздумали выступить против них, они взяли из числа знатных бояр заложников. Тогда часть галицких бояр приглашает на княжий стол Ростислава Ивановича. Ростислав со своей небольшой дружиной подошел к "Украине Галичской", взял два города и двинулся к Галичу. Андрей и венгерские

воеводы начали действовать. Они приводили бояр к присяге и готовили войско. Большинство бояр продолжало поддерживать венгров и даже тогда, когда Ростислав подошел к галицким полкам, только несколько бояр отъехали к нему, да и то, увидев, что остальные не тронулись с места, вернулись обратно. В неравной борьбе с венграми и войском галицких бояр Ростислав потерпел поражение. Тяжело раненного князя привезли в город.

Это обстоятельство послужило толчком к восстанию горожан, направленному против изменников олигархов-бояр и интервентов - венгров. Восставшие галичане попытались отбить Ростислава у венгров и посадить его на княжеский престол в Галиче. Опасаясь галичан, венгры убили Ростислава и подавили восстание галичан.

Надо отметить, что гнет бояр ощущался смердами еще больше, чем горожанами. Ипатьевская летопись сообщает, что бояре только формально подчинялись князю, а фактически правили и распоряжались землей, как хотели. Так, например, "без княжа повеленья" боярин Доброслав Судыч захватил Бакоту и Понизье, а Григорий Васильевич - "горную страну Перемышльскую" и "грабят всю землю". "И бысть мятеж велик в земле и грабеж от них". Князь Даниил Романович (1220-1264 гг.) попытался через посланного к Доброславу своего стольника Якова воздействовать на своевольничавшего боярина. Приехавший к Доброславу стольник был удивлен, увидев, что бояре Лазарь Домажирец и Ивор Молибожич благодарят Добро-слава так, как благодарят вассалы своего сюзерена. Выяснилось, что Доброслав отдал им в лен Коломыю, которую князь держал для раздачи своим "оружьникам".

Князю Даниилу с трудом удалось расправиться со своего рода "владельческими князьями" Доброславом и Григорием Васильевичем.

Могущественные и алчные галицкие бояре, ставшие фактически государями своих земель, немилосердно угнетали и обирали смердов, "творили неправды" и "грабительство". В результате этого "грабительства" в 1241 г. вспыхнуло восстание смердов. Только так можно понять летопись, сообщающую о том, что "мятеж великий" охватил не только Бакоту, не только города, а всю землю. Речь, следовательно, шла о восстании в "земле", в селах, т. е. о направленном против бояр-грабителей движении смердов. В Бакоту пришлось отправить печатника Кирилла, которому было поручено "исписать грабительства нечестивых бояр".

Кирилл "исписал" все "грабительства" бояр. Посланнику князя "мудростью" и "крепостью", т. е. твердой рукой, вооруженной силой удалось "утишить землю", т. е. подавить восстание сельского люда.

Следует отметить, что в борьбе против горожан, смердов и берладников объединялись оба враждующие лагеря феодалов: князь с его дружинниками и частью бояр, наименее родовитых, с одной стороны, и боярская аристократия - с другой. Классовые противоречия отодвигали на второй план внутриклассовые. Совместные действия всего лагеря феодалов против трудового люда городов и сел Галицко-Волынской земли привели к тому, что в разбитых и униженных горожанах и сельских жителях княжеская власть утратила былых своих союзников по борьбе с боярской знатью. А это в свою очередь привело с течением времени к усилению боярской аристократии и к утрате независимости Червоной Руси в XIV в.

Заключение

Классовая борьба на Руси началась вместе с утверждением феодальных отношений, вместе с делением общества на классы.

Появление и утверждение феодальной земельной собственности, распространение ее на общинные Земли, земли смердов, захват общинных пашен и лугов, угодий и вод, рост дани и превращение ее в феодальную Земельную ренту, рост различных поборов, барщины и оброка - все это не могло не вызвать отпора со стороны трудового люда города и деревни древней

Руси.

Феодалную собственность "простая чадь" городов, "сельские люди" рассматривали как результат захвата их общинной собственности, а феодалские отношения господства и подчинения, феодалские формы зависимости и Эксплуатации считали беззаконием, насилием. Именно это лежало в основе классовых противоречий, приводивших к обострению классовой борьбы.

В какую бы форму ни выливалась классовая борьба, являющаяся результатом раскола общества на враждующие классы, она проходит красной нитью через всю историю древней Руси.

Первые достоверные сведения о классовой борьбе на Руси, которые мы извлекаем из летописей и "Русской Правды", говорят о том, что изначальным ее содержанием была борьба с феодалской собственностью и феодалским законодательством, расцениваемая классом феодалов как преступления, "разбой". Такой же характер носят первые известные нам из источников восстания смердов, протекавшие в оболочке выступлений волхвов.

Вместе с развитием ремесла и торговли, с ростом городов растет и ростовщичество. Закабаляются низы городского люда. Растет закупничество. Центр классовой борьбы против феодалов переносится в города, где сосредоточивается более сплоченная и активная масса феодално зависимого населения. Выступления горожан против феодалов служат сигналом к восстанию угнетенного и эксплуатируемого сельского "людья". И когда летописец повествует о восстаниях горожан против правящих кругов в Киеве, Новгороде, Боголюбове, Галиче, в каждом крупном восстании можно установить участие смердов.

Борьба "простой чади" городов и весей древней Руси, протекавшая в разных формах и сопровождавшая возникновение и развитие феодализма, принимала подчас угрожающие для феодалской верхушки размеры. Особенно опасными были большие восстания городских низов крупных городов, обычно сопровождавшиеся движением сельского люда.

Поэтому в отдельных случаях князь и окружающая его боярская знать были вынуждены идти на временные уступки народным массам, массам закабаленного и Эксплуатируемого люда. Примером таких уступок являются "Устав" Владимира Мономаха, "Смердя грамота" Михаила Всеволодовича. Но общая тенденция развития феодализма характеризуется усилением эксплуатации и правовой зависимости непосредственных производителей и вовлечением все больших и больших масс населения в систему феодалской эксплуатации.

Каковы же были результаты классовой борьбы, развернувшейся по весям и по градам Русской земли в период утверждения и распространения в ней феодалских отношений?

Прежде всего, эта борьба - выступления смердов в селах и простого люда в городах - заставила господствующий класс отказаться от обычного права, от "закона русского", и создать феодалское законодательство. Она же побудила феодалов создать более совершенную, распространившуюся в дальнейшем по всем русским землям, форму организации государственной власти.

Когда вместе с превращением общинной собственности в феодалскую дань и полюдье уступили место натуральной и отработочной ренте, когда гнезда феодалских вотчин покрыли всю русскую землю, а княжеское дружинное боярство слилось с местной "старой", "нарочитой чадью" в единый класс феодалов, тогда естественным следствием распространения феодалских форм господства и эксплуатации явилась стихийная борьба закабаленного и угнетаемого люда деревни и города против всех форм феодалского угнетения. Для того чтобы держать народную массу в повиновении, эксплуататорское меньшинство создает сложную и сильную организацию вотчинного и княжеского управления в феодалских самостоятельных полугосударствах - княжествах. Она представлена бесчисленными "княжими мужами" - огнищанами и тысячниками, конюхами и посадниками, тиунами и мечниками, старостами и ябетниками и т. д. Эта княжеская и вотчинная администрация создается в каждом отдельном княжестве - самостоятельном полугосударстве. В качестве государственной власти она призвана выполнять ее главную

функцию в антагонистическом, классовом обществе - держать в узде эксплуатируемое большинство.

Теперь уже не благодаря случайному пребыванию в далеких северных краях собирающего дань Яна Вышатича становится известным князю, что здесь, оказывается, уже давно поднялись смерды, уже давно "всташа" волхвы и от Ростовской области до Белоозера все охвачено восстанием. Теперь сложная система княжеского государственного и вотчинного управления, осуществляемого бесчисленными "мужами" князей и бояр, должна была предупреждать "встани", а лица, пытающиеся их поднять, "вскоре погибоша". Только созданием государственного управления на местах, по всей Руси, управления, оберегающего от "встани" собственность феодалов, широко распространившуюся по всей земле, феодалы могли обезопасить свои владения и самих себя от народного гнева. А это приводило к феодальной раздробленности, к расчленению страны, к раздроблению государственной власти.

Специфические особенности развития феодальных отношений в каждом из образовавшихся русских княжеств (Галицко-Волынском, Ростово-Суздальском, Смоленском и др.) и в каждой из боярских республик (Новгороде, Пскове) в значительной мере являются результатом соотношения сил борющихся классов, а также следствием борьбы различных группировок внутри господствующего класса феодалов (с одной стороны, галицкое боярство, боярство "старых городов" Суздальской земли, с другой - князь с дружиной и княжими боярами). Своеобразные формы политической жизни отдельных "самостоятельных полугосударств" Руси периода феодальной раздробленности были обусловлены местными особенностями развития социальных противоречий. Эти социальные противоречия проявлялись в различных формах классовой борьбы, которая в свою очередь не могла не отражать особенности развития феодальных отношений в каждом княжестве, в каждой земле.

Восстания горожан, смердов и берладников - этой своеобразной русской вольницы подунайских земель, - вспыхнувшие в Галицко-Волынской земле в 1144 г. и продолжавшиеся в 1159 и 1160 гг., были подавлены князьями Володимирком Володаревичем и Ярославом Осмомыслом совместно с боярами.

Подавление городских движений во времена Володимирка и Ярослава привело к тому, что князь в борьбе с боярской аристократией лишился своего союзника - горожан, а лишившись поддержки горожан, разбитых и подавленных, он при первом же столкновении с боярской знатю оказался не в силах с ней совладеть. Таким образом, ослабление княжеской власти и усиление бояр сказались уже во времена Осмомысла. Только во времена Даниила Романовича растет значение горожан в политической жизни земли, что наряду с выступлениями смердов против бояр усиливает позиции князя, боровшегося с могущественным галицким боярством. Тем не менее, надо сказать, что совместная борьба всех группировок господствующего класса феодалов в Галицко-Волынском княжестве против горожан и сельского населения, приведшая к разгрому движений народных масс, усилила и без того влиятельное, знатное и богатое галицкое боярство и ослабила княжескую власть.

Восстания крестьян в Киевской и Суздальской землях после смерти Юрия Долгорукого и Андрея Боголюбского свидетельствуют об интенсивной эксплуатации сельского люда, обирании и притеснении его, о тяготах княжеского управления. Подавление этих восстаний (следует подчеркнуть, что большинство восстаний смердов в XI-XII вв. происходило именно в Суздальской земле) приводит к тому, что в Суздальской земле степень зависимости крестьян от феодалов очень рано принимает черты крепостничества, крестьяне раньше теряют остатки своих былых прав, эксплуатация проявляется в наиболее жестоких формах.

В то же самое время разгром боярства "старых городов" - Ростова и Суздаля - князьями, опиравшимися на многочисленную дружину и население "новых" городов, обусловил с течением времени складывание на северо-востоке Руси сильной княжеской власти и ликвидацию вечевых тенденций.

Классовая борьба "меньших", "мизинных людей" в Новгороде и Пскове определяет собой характер этих боярских республик, сохраняющих вечевой строй, порою отражавший временные успехи "меньших" (1136 г., 1209 г., "Смердя грамота" Михаила Всеволодовича), но все время Эволюционирующих в сторону олигархической феодальной республики, где все важнейшие вопросы решало богатство.

Таково значение классовой борьбы в период зарождения феодального общества на Руси и в период ее феодальной раздробленности.

Конечно, эта борьба не могла в те времена привести Забитые и угнетенные народные массы к освобождению. Впереди были еще столетия тяжелого труда на феодалов, кабалы и нищеты, бесправия и гнета. Не раз еще поднимались трудящиеся феодальной России. Водил на Москву восставших холопов, крестьян, казаков Иван Болотников, "гулял" по Волге вождь мятежного крестьянства Степан Разин, гремела на Урале пугачевская артиллерия, горели барские усадьбы, прокатывались по стране голодные "бунты". Но каждый раз, разгромленные и обескровленные, крестьяне вновь возвращались в кабалу, несли тяжкое ярмо, меняя одни цепи на другие.

И только в новую историческую эпоху, в эпоху капитализма, когда на историческую арену вышел рабочий класс, крестьяне и весь угнетенный трудящийся люд обрели в нем могучего союзника и руководителя в их борьбе. Объединив свою борьбу с борьбой рабочего класса, вместе с ним и под его руководством сражаясь в классовых битвах, трудящиеся массы России пришли к полному освобождению от всякого гнета и насилия.

Литература и источники

Арциховский А. В. и Киселев С. В. К истории восстания смердов в 1071 году. - "Проблемы истории материальной культуры", 1933, № 7-9.

Воронин Н. Н. Восстания смердов в XI веке. - "Исторический журнал", 1940, № 2.

Греков Б. Д. Киевская Русь, М., 1953.

Мавродин В. В. Очерки по истории феодальной Руси, Л., 1949.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова, М. - Л., 1950.

Пашуто В. Т. Очерки истории СССР. XII-XIII вв. Пособие для учителей, М., 1960.

Повесть временных лет. Ч. 1-2. Текст, перевод и статьи Д. С.Лихачева и Б. А. Романова. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц, М. - Л., 1950 (Академия наук СССР. Литературные памятники).

Смирнов И. И. Проблема "смердов" в Пространной Правде. - "Исторические записки", 1959, т. 64.

Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI-XIII вв., М., 1955.

Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды, М., 1953.

Черепнин Л. В. Из истории формирования класса феодально зависимого крестьянства на Руси. - "Исторические записки", 1956, т. 56.

Черепнин Л. В. Русская Правда (в краткой редакции) и летопись как источники по истории классовой борьбы. Сборник "Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия", М., 1952.

Юшков С. В. Очерки по истории феодализма Киевской Руси, М. - Л., 1939.

Карты. Народные восстания в Киевской Руси

